

ТЕОРИЯ

Л.Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Термин «социология истории», образованный по аналогии с философией истории, кажется мне достаточно удачным и емким²⁷³. Кроме того, он очень важен потому, что дает название области исследования, которую совершенно необходимо отделить – при неизбежной нечеткости таких границ – от общесоциологической теории. Ведь последняя предназначена для анализа главным образом современных живых обществ (в первую очередь – высокоразвитых и стабильных). Ее, в отличие от социологии истории, я далее буду называть просто «социологией» (или «общей социологией»).

Почему же так необходимо это разграничение? Почему социология истории не может быть одним из разделов общей социологии? Прежде всего потому, что хотя между ними немалое и вполне понятное сходство, у них разный объект исследования. Хотя социология собственно и родилась в трудах ее основоположников как наука о сравнении любых общественных систем и организмов, в своем нынешнем виде она стала обретать собственный предмет, сосредоточиваясь именно на сегодняшнем ей обществе, тем самым уходя от анализа обществ исторических.

²⁷³ Название это буквально напрашивается. И действительно, некоторые западные ученые используют его (см., например: Кроссер Пол. Социология истории // Современная прогрессивная философская и социологическая мысль в США. М., 1977). Изредка оно употребляется и в отечественной литературе.

Но изучение живого, современного и понятного нам социума очень сильно отличается от исследования обществ исторических. Аналогично тому, как разнятся ботаника и зоология от палеоботаники и палеозоологии. Или более близкая нам аналогия. Первобытностью занимаются и археология, и этнография. И с этой точки зрения у них много общего. Но сколь велико между ними различие и в подходах, и в методах, и в значении, придаваемом отдельным вещам, и во многом другом!

Социология истории имеет, следовательно, очень широкий объект изучения. Ведь она стремится найти основы для анализа любого из существовавших с момента появления человека разумного обществ и обнаружить общие черты в разнообразнейших коллективах (от группы бродячих охотников до современных стран, населенных сотнями миллионов жителей), чтобы охватить это множество едиными принципами и теориями. И в этом плане с формальной точки зрения она как более широкое направление должна была бы включать в себя социологию в качестве составной части. Первоначально, как мы видели, так и было. Однако по ряду причин и в силу своей практической значимости социология не только обособилась, но и стала настолько мощной, что во многом интегрировала в себе социологию истории и с большим ущербом для последней.

Сказанное о различии предмета между социологией истории и социологией неизбежно ведет к мысли о том, что первая не может ни копировать методы общей социологии, ни использовать в качестве базовой ее макротеорию. Особый предмет, специфика материала требуют и особых, собственных теорий и методов. Игнорирование этого ведет к тому, что второстепенное или позднейшее в историческом развитии выставляется как главное, а также к ошибочным посылкам и выводам и к недопустимому смешению понятий и подходов.

В самом деле, если современное общество всегда перед глазами, то от большинства исторических (не говоря уже о

тех, что называют **предысторическими**)²⁷⁴ остались лишь письменные или иные памятники, а то и вовсе разрозненные или отдельные «следы». И это «мертвое» наследие не ответит само на вопросы анкеты. Его надо сложным образом расшифровать и интерпретировать. Следовательно, методы социолого-исторического (**социсторического**) исследования в огромной степени зависят от объема и характера источников наших знаний об обществе.

В зависимости от близости к нам, обилия или скудности сохранившихся следов, ясности и многочисленности письменных памятников, социолог истории иногда ближе к использованию традиционных социологических (или даже микросоциологических) методов, иногда следует за традициями археологии, этнографии или антропологии, другой раз он больше всего заинтересован в доказательствах, поставляемых вспомогательными историческими дисциплинами (вроде палеографии, топонимики и т. п.), либо должен вникать в сложности работы с архивом. Иногда же просто берет понравившуюся ему точку зрения, ибо в плане доказательств они одинаково ущербны. И т. д.

Но столь значительная подвижность, диктуемая особенностями исследуемого исторического материала, не должна затемнять центральную идею о том, что все это цементируется общей теорией и методологией социологии истории. И умение использовать или иметь в виду специфические методы разных наук, создающих историческое знание, может быть плодотворным лишь в сочетании с общими принципами, которые позволяют оперировать столь большим разнообразием.

Итак, социология истории должна сосредоточиваться на обнаружении «общего знаменателя» в многообразии исторических обществ, выделяя сходные элементы, черты, функции, подсистемы, отношения и т. п. в них, исследуя общесоциологические законы, в том значении, о котором говорилось в пер-

²⁷⁴ Есть смысл сказать, что направления социологии истории могут (или даже должны) опираться на особенности исторических периодов. И само собой ясно, что дописьменный период имеет колоссальные отличия перед письменным. А период формирования человека разумного вообще должно изучать особое направление, нечто вроде антропогенетической социологии. Но в данной работе я оставляю эти очень важные вещи без внимания.

вой главе. Но она также должна учитывать усложнение и изменение обществ и их составляющих, классифицировать их по видам и периодам. В отличие от теории исторического процесса социология истории изучает исторические общества в **исторической статике**. Однако следует подчеркнуть, что историческая статика – не неподвижность вообще. Речь о чистой статике идти не может. Общество трудно понять вне его функционирования и вообще процесса жизнедеятельности, взаимоотношения со средой. Есть смысл отвлечься лишь от процесса исторического развития (насколько это вообще возможно).

Социология истории в том виде, как я представляю ее, как бы связывает историю, современную теоретическую (и частично прикладную) социологию, философию истории и теорию исторического процесса. Данный же раздел введен для того, чтобы, фигурально говоря, иметь социологический этап для теории исторического процесса. Поэтому есть смысл сказать немного о различиях между социологией истории и теорией исторического процесса. Неразграничение их приводило к тому, что к процессу развития пытались приложить «универсальные» законы, полученные из сравнительного анализа обществ. Результаты оказывались неудовлетворительными. Однако и до сих пор (а в нашей науке особенно) налицо недопонимание того, что исследование исторического процесса требует иных методов и подходов, чем социология истории. Хотя бы потому уже, что последняя в гораздо меньшей степени интересуется рядом важнейших для теории исторического процесса проблем, например близостью общества к «генеральной линии» истории. Ведь главная ее задача – найти общее во всех или многих, а переход к новому качеству, как мы видели, сначала скорее исключение, чем правило.

Но на каком-то уровне проблемы прогрессивности и историчности и прочие начинают интересовать и социологию истории (если, например, мы занимаемся типологией обществ и сравнением этих типов). Аналогично обстоит дело и с различиями между историческими и социологическими законами. Последние сначала берутся безотносительно к историческому

развитию, ибо нам важен только его результат (а не ход и не причины). Но чем подробнее социологическая теория, тем больше требуется говорить именно о процессе. Сначала о функционировании системы или подсистем, затем об отличиях в типах и подтипах, далее о причинах отличий и следствий из них и т. д., пока мы не доходим непосредственно до вопросов исторического развития отдельных социальных организмов. В свою очередь, чем ниже мы спускаемся в исследовании исторического процесса, тем менее крупные регионы, этапы, линии изучаем, пока не дойдем до конкретных обществ и подсистем, т.е. до социологии истории. Все это лишний раз доказывает как необходимость разграничения предмета исследования между науками и направлениями, так и его условность. Но срачиваются на нижних уровнях даже не два эти направления, а больше: тут перекрещиваются и философия истории, и методология социальных наук. А если прибавить к сказанному и гносеологический момент, то можно будет сказать: если все эти аспекты не только не противоречат, но во многом дополняют и «подпирают» друг друга, если видно, что на определенном уровне они могут смыкаться и переходить друг в друга – значит, это своего рода доказательство не только правомерности, но и верности авторского подхода.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Кроме общества, ничто в природе, исключая только тайны самой жизни, так глубоко не интересовывало человеческое воображение, и ни с чем, кроме самой жизни, воображение не обращалось так вольно.

Ф. Гиддингс

Несметное число различных моделей демонстрируют в своих социальных системах как первобытные, так и цивилизованные народы.

Р. Макайвер

...Социальные явления, не будучи материальными, все же представляют собой реальные вещи, допускающие исследование... они существуют определенным образом; ...имеют постоянный способ существования и особую природу, не зависящую от индивидуального произвола; ...возникают из необходимых отношений.

Э. Дюркгейм

§ 1. Взгляд на различные способы анализа общества.
§ 2. Природно-производственная основа как базис общества. § 3. Структурно-функциональный анализ природно-производственной основы общества (географическая среда – производительные силы). § 4. Распределительные отношения

§ 1. Взгляд на различные способы анализа общества

Проблема обособления социологии истории от социологии весьма важна, хотя бы потому уже, что вопрос об общесоциологической теории в нашей науке остается запутанным. Прежде господствовал тезис, что исторический материализм и есть марксистско-ленинская общая социология. Он, следовательно, был одновременно и философией истории, и общей социологией, и социологией истории. В результате и без того очень сложный вопрос о том, какова граница между философией и социологией, был порядком затемнен давлением идеологии.

Поэтому вполне справедлива была мысль Г. М. Андреевой, что «остаётся по-прежнему нерешённым труднейший... вопрос о том, в чём специфика социологического анализа общества по сравнению с его философским анализом; вместе с тем – в чём неразрывная связь этих типов анализа»²⁷⁵. В этих условиях вопрос о четком разделении социологического и социсториографического анализа общества почти не ставился. Этому способствовала и характерная для начальных стадий развития философии истории и социологии уверенность в том, что можно открыть всеобщие и универсальные социальные законы, господствовавшая в нашем общественном сознании.

Сегодня некоторые полагают, что достаточно перенять достижения западной науки. Стоит посмотреть, насколько это реально в отношении социологии истории.

Несмотря на высокий престиж социологии, громаду исследований и успехи в её практическом использовании, целый ряд давних теоретических и методологических проблем так и не решен. В нашем случае особенно важно отметить, что в целом эта наука распадается на два больших массива: связанный с анализом общества как единого целого (исследующий макроуровень) и исследующий его «интерактивные парадигмы, которые делают акцент на изучении и интерпретации человеческого поведения на микроуровне»²⁷⁶. Причем оба направления базируются во многом и на разных философских и методологических посылах. «Эта ситуация, зафиксированная Р. Мертоном в 1947 г., и сегодня остаётся актуальной»²⁷⁷.

Попытки объединения этих уровней социологии предпринимались и предпринимаются. Но либо подобные теории не стали общепризнанными, а лишь дополнили и без того обширную палитру парадигм, либо оказались успешными только частично. Периодически возникают также всплески критики существующего положения дел. Так, например, Алвин Гоулд-

²⁷⁵ Цит. по: Барулин В. С. Исторический материализм. Современные тенденции развития. М., 1986. С. 211.

²⁷⁶ Социология / Под общей ред. Э.В.Тадеевояна. М., 1995. С. 26.

²⁷⁷ Ядов В. А. Цит. по: Социология. Хрестоматия / Сост. О. Н. Козлова и др. М., 1993. С. 10.

нер активно доказывал, что «развертывание специализированных социологических исследований, вопреки ожиданиям классиков американской социологии, не привело к созданию предпосылок для подлинно научной общесоциологической теории, а только способствовало усилению того, что обозреватели на Западе стали называть концептуальным беспорядком, «интеллектуальным Вавилоном»²⁷⁸. Существует также распространенное мнение, что отсутствие генерализующей теории, способной соединить различные эмпирические выводы, и есть главная причина неудовлетворительного состояния социологической науки, которое образно называют «вербальными джунглями»²⁷⁹. Тот факт, что сама социология не имеет общепринятой генеральной теории, которую легко было бы просто заимствовать, на мой взгляд, делает еще более убедительной мысль о том, что социология истории тем более не может полагать в ней свою парадигму и методологическую основу. Она должна выработать собственные, специфические концепции и подходы. К тому же многое из необходимого для этого фактически уже есть: и в трудах предшественников, и рассыпанное в произведениях социологов, историков и философов. Сказанное, однако, не отрицает необходимости активно использовать, где это удобно, достижения, накопленные в общей и прикладной социологии.

Как уже отмечено, прежде чем в 20-е годы XX века социология сформировалась в том виде, который имеет явное сходство с современным, произошла существенная смена ее интересов. Зародившись в XIX в., она считала одной из главных своих задач – дать ясную теорию для исторического анализа в противовес спекулятивной философии истории. Упрощенно говоря, в этот период важнейшей целью социологов стало открытие ведущих общественных законов, сил и факторов, с по-

²⁷⁸ Танчер В. В. Алвин Гоулднер: «Обновление и критика» в американской социологии // Современная американская социология. М., 1994. С. 254.

²⁷⁹ Там же. По словам одного нашего социолога, основной корпус современной социологии «фактически просто отказывается признать возможность социологических конструкций истинно теоретического, «динамического» толка...» (Ицхокин А. А. Реконструируя Восток и Запад // Философские исследования. 1994. № 2. С. 22–23).

мощью которых и можно было бы объяснять прошлое и настоящее и даже будущее. Однако в конце XIX века в социологии начался перелом, связанный с поиском ее собственного, отличного от истории, философии и психологии, объекта. В результате произошел крен в сторону обнаружения ведущего (исходного) элемента, отношения и т. п. общества и одновременно главного (элементарного) метода его анализа. Этому были посвящены многие работы таких крупных ученых, как Дюркгейм, Уорд, Тард, Гиддингс, М. Вебер и др. Постепенно сосредоточение на исследовании «чистых» форм социальности делает главным объектом социологии социальную жизнь в пределах современного ученым общества. Происходит сдвиг от глобальных историософских концепций (таких, как у Конта, Спенсера, Гумпловича, Ратценхофера и др.) к исследованию самых малых, исходных общественных начал. Однако интерес к историческому процессу оставался еще весьма большим, поскольку активно работали многие из первопроходцев социологии (такие как Тённис, Ковалевский, Сорокин, М. Вебер, Зиммель и многие другие), а равно их ученики²⁸⁰.

В начале XX века социология представала, по определению Зиммеля, как «персональные» социологии одаренных людей, которые не смогли установить истинную дисциплину в этой смеси клик и школ²⁸¹. По мере сближения позиций «к 1920 году накопившийся материал отдельных исследователей определил основные черты специальной социальной науки, посвященной анализу основных аспектов коллективного человеческого существования»²⁸², параллельно с этим снижался интерес к глобальным теоретическим обобщениям исторического материала как к важнейшему объекту исследования.

²⁸⁰ Например, младший брат Макса Вебера Альфред стремился создать нечто вроде социологии истории, которая бы выглядела «социологически конкретизированной, построенной на основе эмпирического анализа исторического материала философией истории, или социологией исторического процесса» (Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986. С. 129).

²⁸¹ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 40.

²⁸² Там же. С. 45.

Дальнейшее развитие социологии привело к тому, что историческое направление и вовсе перестало быть главным в нем. К тому же оно сосредоточивалось большей частью на анализе истории социальной мысли. Исторические данные служили своего рода заставкой, фоном, отправной точкой и т. п. В лучшем случае исторический метод признавался как важный дополнительный метод, помимо основных²⁸³, полезный для тех, «кто считает изучение прошлого не менее ценным в понимании общества и общественных отношений, чем исследование сегодняшнего состояния»²⁸⁴.

Разумеется, обращение к историческому материалу широко распространено, но главное отличие его от теоретического осмысления с позиции социологии истории именно в том, **что в большинстве случаев все эти изыскания предназначены именно для анализа современных процессов и объяснения современных и ограниченных рамками немногих обществ результатов, а история есть лишь фон, исходный, базовый отсчет, или трамплин для рассуждений и т. п.**

Социология же истории в первую очередь должна исходить из полного теоретического равноправия любого общества любой эпохи безотносительно к генетическому, культурному или иному родству с современностью либо прослеживанию влияния на нынешнюю ситуацию, аналогию с ней или чего-то подобного. Ей должна быть самоценной именно эта пестрота и многообразие. Так, историку самоценна та историческая реальность, которую он изучает, хотя бы этот интерес и не имел видимых практических результатов. А публицисту, который исследует историю какого-либо вопроса, важнее всего как раз возможность с помощью исторического экскурса объяснить современную проблему или ситуацию.

И уже во вторую (и последующие) очередь социология истории будет подчеркивать какой-то аспект как наиболее важный, искать в современном обществе некий результат истори-

²⁸³ Профессор Смелзер насчитывает пять главных социологических подходов: демографический, психологический, коллективистский, культурологический и исследующий взаимоотношения (см.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 18–19).

²⁸⁴ Там же. С. 33.

ческого процесса или точку ретроспекции. Конечно, полностью отрешиться от сегодняшнего состояния невозможно, но одно дело – учитывать его, другое – ставить во главу угла.

Расхождение между социологией и социологией истории в чем-то несколько уменьшилось во второй половине XX в., когда оформилось, «благодаря усилиям Беккера, Г. Э. Барнза, В. Канмана, Бендикса, Уоллерстайна, П. Флоры и других», направление исторической социологии²⁸⁵. Оно разрабатывает социологические концепции и методы для анализа исторических данных, изучения развития социальных отношений, анализа длительного периода общественного развития и изменений социальной структуры и т. д.²⁸⁶. Без сомнения, это очень важный сдвиг. И все же, видимо, не случайно это течение не встало в ряд важнейших в социологии. Нисколько не сомневаюсь, что для нашей науки будет крайне полезным освоить достижения исторической социологии. Но, думается, что с учетом вышесказанного и того, что в ней отсутствует общая теория, существуют серьезные расхождения в определении ее целей и задач, а также очень сильно тяготение к методам общей социологии, рассматривать ее как источник заимствования основных концепций и главных методов социологии истории было бы неразумно.

Недостаточная системность и слабость общей методологии исторической социологии²⁸⁷ побуждает крупных историков, ведущих свои исследования на стыке историографии и социологии истории, самим разрабатывать необходимые концепции и методы²⁸⁸.

²⁸⁵ Словарь: современная западная социология. М., 1990. С. 123.

²⁸⁶ См. там же.

²⁸⁷ Одним из косвенных доказательств этого является факт выделения в современной западной науке **социальной теории**, которая «в отличие от социологии... включает анализ проблем, пересекающихся с философскими» (Леденева А. В. Предисловие к кн.: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 10).

²⁸⁸ Например, Ф. Бродель говорил, что стремился создать «типологию, или модель, или даже грамматику, способную по крайней мере определить смысл нескольких ключевых слов, нескольких очевидных реальностей», таких, например, как «совокупность механизмов обмена, начиная с простейшей меновой торговли и вплоть до самого сложного капитализма (включая и его)» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1986. Т. 2. С. 5). Но при всей важности таких исследований и разработок они все же не создают общей парадигмы и методологии социологии истории, а лишь частные методики.

В отечественной науке призывы к более тесной связи истории и социологии время от времени раздавались и раздаются. Иногда даже подчеркивается, что поскольку главный интерес социологии – современность (настоящее), существует опасность механического перенесения «методики, понятий, теорий, концепций социологии в историческое исследование», что «может привести к упрощенчеству, вульгаризаторству» и т. п.²⁸⁹. Однако всерьез проблемы специфики социологии истории как особой науки или хотя бы направления не ставятся, и по-прежнему считается, что «социология выступает как общетеоретическая и методологическая основа исторической науки»²⁹⁰. Однако есть целый ряд работ, которые, на мой взгляд, можно полностью или частично отнести к хорошим образцам исследования в плане социологии истории. Прежде всего это работы историков, посвященные изучению каких-то явлений, имевших широкое распространение²⁹¹.

Итак, социология истории вполне может использовать или приспособить для себя методы самых разных наук и направлений – от истории и до математики. Но это будет оправдано, если она выработает собственные главные базовые подходы и методы²⁹². Какие из них изберет исследователь, уже другой вопрос. Важно, чтобы они соответствовали специфическим задачам этого направления. Но прежде чем говорить о достоинствах и недостатках методов и подходов, желательно хотя бы очень приблизительно уточнить, что это такое. Упрощенно говоря, под **подходом можно понимать единство кон-**

²⁸⁹ Миронов Б. Н. История и социология. Л., 1984. С. 5.

²⁹⁰ Социология / Под общей ред. Э. В. Тадевосяна. С. 17.

²⁹¹ Таковыми являются, например, главы 6-9 книги В. П. Илюшечкина «Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах» (М., 1990) или работа Ю. М. Кобищанова «Поллюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций» (М., 1995). Много сделано было и в период дискуссий об азиатском способе производства в плане социологических обобщений по разным вопросам, а также в исследовании отдельных институтов и сфер с позиции социальной философии. Есть, хоть и немного, работы, которые можно прямо отнести к социологии истории, например указанная книга Б. Н. Миронова.

²⁹² Под главными в данном параграфе я понимаю методы, которые пригодны для решения основных задач социологии истории, но, разумеется, они могут оказаться неподходящими для тех или иных частных или особых проблем. Число главных методов достаточно велико. Собственные или специфические методы – это методы, характерные именно для данной науки, либо приобретающие в ней особые черты.

цептуальных посылок и группы связанных с ними и между собой методов исследования, вместе создающих определенный, более или менее обоснованный и имеющий научную ценность способ анализа того или иного крупного объекта или направления науки. Следовательно, подход – более широкое понятие, чем метод. Хотя в ряде случаев какой-либо метод может быть стержнем, изюминкой подхода, и тогда оба слова употребляются как синонимы²⁹³.

Очевидно также, что подходы могут быть более или менее содержательны или формализованы, годиться для ряда наук или быть специализированными, опираться на стройную и связную концепцию или на некие полуинтуитивные исходные положения. И т. д. Но так или иначе особый подход чувствуется или угадывается, даже если ученый прямо о нем не говорит.

Нередко исследователь, углубляясь в новые области знаний или разрешая по-новому какие-то проблемы, вынужден усовершенствовать или изобретать собственные методы, ибо особые идеи нередко требуют и собственных методов. Ведь «в социально-экономических науках методологические вопросы возникают на почве **специфических условий применения положений общего учения о методе или на почве своих специфических методологических затруднений**» (выделено мной. – Л. Г.)²⁹⁴. Особенно это было характерно для первого этапа социологии²⁹⁵. Маркс нашел собственные категории и способы анализа общества и его социального состава. Спенсер исследовал общество как организм. М. Вебер обосновал метод идеальных типов. Фрейд и его ученики (Юнг, Адлер и другие) разработали методы использования психоанализа для исследова-

²⁹³ Разумеется, при глубоком анализе таких многозначных и не совсем определенных терминов необходимо строго учитывать уровни и аспекты анализа. Но в данном случае особой необходимости специально это делать нет.

²⁹⁴ Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991. С. 144.

²⁹⁵ Известный физик и методолог А. Пуанкаре (1910) даже иронизировал по поводу социологов, говоря, что они считают необходимым прежде всего «озаботиться изобретением метода; и этих методов придумали много, ибо ни один из них не напрашивается сам собой. Каждый тезис в социологии предлагает новый метод, который, впрочем, каждый новый ученый опасается применять, так что социология есть наука, наиболее богатая методами и наиболее бедная результатами» (Там же. С. 144).

дования общества. Парсонс и другие развили структурно-функциональный метод. Во второй половине XX века родился структурализм, стремящийся «синтезировать все в единое целое, составить систему соответствующих элементов, создавая тем самым тотальный объект исследования»²⁹⁶. И это далеко не полный список.

Итак, для исследования общества можно применять разные способы. Ведь это объект исключительной сложности и колоссального разнообразия. Мы уже видели, сколь часты были поиски «архимедова рычага» истории или «элементарного» метода анализа. Нет ничего плохого в том, чтобы увидеть историю или общество в каком-то одном аспекте. Беда, очевидно, в абсолютизации таких подходов.

Число возможных методов анализа общества велико. Но ни один из них не может дать полного и всестороннего описания данного объекта, поскольку он (как практически и любой другой) способен представлять в самом разном виде, под разными углами и ракурсами²⁹⁷. К тому же о чистом методе речь может идти только как о научной абстракции, поскольку многие из них эффективны лишь в совокупности с другими. Кроме того, они переплетаются, дополняя друг друга. Но гораздо лучше, если исследователь понимает природу такого процесса и использует эти приемы осознанно. Так легче избежать нелогичности, эклектики и т. п.

Исходя из сказанного, следует признать теоретическую возможность любых методов. Но практическая их значимость будет очень отличаться. Поэтому крайне важным становится вопрос о сравнении ценности разных способов анализа и точек зрения и об основаниях определения такой ценности. Эти проблемы «имеют не только специально-технический, но часто общепринципиальный и иногда философский характер»²⁹⁸. В

²⁹⁶ Курсанов Г. Предисловие к кн.: Мулуд Н. Современный структурализм. С. 144.

²⁹⁷ Именно этим и объясняется, что существуют десятки в чем-то верных определений одного и того же объекта. Недаром Н. А. Бердяев говорил, что наука знает истины, а не истину. А истины науки имеют значение лишь для частных состояний бытия и для частных в нем ориентировок.

²⁹⁸ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 143–144.

каждой науке, направлении исследования, системе отсчета или конкретной работе какие-то методы оказываются более точными, удобными, универсальными, специфичными и т. п., чем другие. Причем нередко сходные результаты можно получить разными способами, однако затраты усилий и конечный эффект могут отличаться так же, как при работе ручной и механической пилой. Но в иных случаях удачный метод заменить другим сложно или даже невозможно.

Есть много аспектов сравнения разных методов: удобство и доступность, широта использования, ясность получаемых выводов и т. д. Но с учетом вышесказанного одним из важнейших требований будет адекватность познавательных средств исследуемому материалу. Она позволяет яснее увидеть сферу применения метода, соответствие его реальности, правомерность «претензий» на те или иные области знаний и решение научных задач. Если хотя бы в этом отношении каждый исследователь начнет задумываться над тем, какие, зачем, почему и как он использует методы и приемы, насколько они соответствуют исходным посылкам и выводам, то и сам сможет увидеть многие недоработки, узкие места, явные противоречия и трудности. К сожалению, обычно над этим мало рефлексируют, что является одной из важнейших причин бесконечности и бесплодности многих дискуссий. И если предъявлять к методам достаточно жесткие требования, то формально большое (или даже неограниченное) их число на практике становится не таким уж великим.

Описанные методологические принципы настолько фундаментальны, что я вынужден обращаться к ним при каждом удобном случае. Ведь «в таких науках, далеких от совершенства, как социально-экономические, потребность в разработке методологических проблем, по существу, даже острее, чем в других, более сложившихся и определившихся науках»²⁹⁹. К

²⁹⁹ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 143. Хочу отметить, что книга Кондратьева приятно поразила меня именно своей методологией, всесторонним обоснованием определений и выводов, критики с позиции их места в системе общественности поставленным задачам. Отрадно знать, что в отечественной науке существуют такие традиции, но досадно, что они основательно забыты.

сожалению, эти правила у нас недостаточно осознаются, хотя в современной зарубежной науке нередко говорят о «бесконечности интерпретации, когда ни один вывод, по определению, не конечен и не может стать истиной в конечной инстанции. Задача же заключается в том, чтобы представить набор точек зрения о социальной реальности, отражающих ее сложность и многообразие и тем самым способствующих более глубокому ее пониманию. Выбор же собственной позиции осуществляется рефлексивно, с пониманием относительности принятой интерпретации»³⁰⁰.

Однако, на мой взгляд, совершенно недостаточно просто указать на такое множество и «представить набор точек зрения». Когда число их превышает разумное количество, наступает то, что образно было названо «интеллектуальным Вавилоном» плюс потеря ориентиров. К тому же разные точки зрения и подходы начинают конкурировать между собой. В такой конкуренции заложен глубокий смысл и источник развития науки. Но когда она переходит определенный рубеж, то становится самоедкой, а споры теряют объективную основу.

И все же порой нельзя отрицать правомерности (в определенных рамках) даже крайних взглядов. Поэтому задача состоит в том, чтобы показать рациональное зерно в каждом или в ряде подходов и наметить направления (и формы) их интеграции, чтобы изучаемый объект предстал яснее и с разных сторон. Для таких операций можно использовать следующие способы: создавать иерархию подходов и методов, строго определять сферу применения каждого, надстраивать теорию так, чтобы альтернативные варианты стали ее предельными случаями и т. д. И, как уже подчеркивалось, концепция, которая при прочих равных условиях способна интегрировать наибольшее число подходов, найти возможность их соединения и соподчинения, не теряя собственного лица и логичности, может быть признана лучшей.

В данном параграфе я хотел бы показать, какие и почему подходы и методы правомерно признать за главные и специ-

³⁰⁰ Леденева А. В. Указ. соч. С. 14.

фические для социологии истории, а какие нет, а также – насколько и как можно использовать методы других наук и направлений или, употребляя терминологию Имре Лакатоса, показать их положительную и отрицательную эвристику. Поскольку же в настоящем разделе речь идет не о полной системе социологии истории, а лишь об основаниях теории исторического процесса, значительное внимание уделено также и способам, которые могут быть использованы и в том и в другом направлении либо хорошо показывают каналы их взаимосвязи и стыковки.

Начнем с рассмотрения базовых, исходных начал анализа общества. «Основной пункт расхождения между различными теоретиками в том, берется ли за точку отсчета непосредственное взаимодействие индивидов или оно само выводится из концепции больших социальных групп»³⁰¹. Нет сомнения, что можно использовать и один, и другой метод. Но я убежден, что чем шире охват материала и чем глубже в историю мы уходим, тем сложнее и менее эффективно принимать за исходный пункт анализа индивидов либо непосредственные отношения между ними, либо какую-то сторону их личности (социальное положение, осознание ими отношений и т. п.). При сравнении большого числа несходных обществ и с учетом того, что в них обычно не было и намека на формальное равенство людей, исследование надо начинать с другого конца – с понимания специфики общества. И, следовательно, продуктивнее использовать более крупные единицы, чем индивид и даже чем малые группы, вроде «первичных групп» Ч. Кули или «социальных электронов» Ж. Гурвича. (Позже мы еще вернемся к данной проблеме.) Это одна из главных причин, почему я настаиваю на том, что у социологии истории – собственный предмет исследования и свои методы, которые не могут быть подменены предметом и методами других наук.

Теперь, исходя из сказанного, есть необходимость дать определение слову «общество». Как известно, оно многозначно. По мнению Семенова, даже если оставить в стороне житей-

³⁰¹ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. С. 418.

ское значение (типа «дурное общество») и названия организаций, то «в философской, социологической и исторической литературе термин «общество» используется по меньшей мере в пяти хотя и взаимосвязанных между собой, но все же разных смыслах». (Первый смысл – общество как социально-исторический организм; второй – их система; третий – человечество в целом; четвертый – общество вообще, безотносительно к каким-либо конкретным формам его существования; пятый – тип общества – первобытное, традиционное, индустриальное и т. п.)³⁰². В каких смыслах в этом разделе я использую понятие общества? Главный – общество вообще, как абстракция сходств общественно-исторических систем (организмов). Это связано с тем, что первая и основная задача социологии истории – показать общие черты в любом реально существовавшем социуме (в строении, функционировании, взаимосвязях элементов, взаимоотношениях со средой и т. п.), а также возможности социсторического анализа. Второй смысл – конкретное общество определенного периода и региона.

Еще один смысл слова «общество», употребленный здесь, – тип общества, связанный с этапами развития человечества (отдельных обществ), с направлениями и особенностями такого развития. Это позволяет говорить о второй, вытекающей из решения первой, задаче социологии истории: показать возможности и принципы выделения типов обществ, их отдельных элементов, отношений и прочего как в синхронном, так и в диахронном срезе. Но этой задаче в данном разделе уделено меньше внимания.

Я не употребляю понятие «общество» для обозначения группы тесно связанных между собой общественных организмов. Для такого уровня я ввожу особый термин – **пространственно-временные группировки обществ**, который будет разбираться во второй части. Но чуть позже мы немного скажем по этому поводу.

³⁰² Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 13 и далее.

Определений общества (общества вообще) очень много, что неудивительно, поскольку это исключительно сложный объект³⁰³. Но в любом случае, как справедливо заметил Зиммель, «понятие общества, очевидно, имеет смысл, если оно так или иначе противопоставляется простой сумме отдельных людей»³⁰⁴. Дать определение общества, которое бы годилось на все случаи, невозможно. И всякие попытки найти такую абсолютную дефиницию обречены на неудачу. В то же время среди многочисленных формулировок этого понятия можно встретить и такие, которые уместны лишь для конкретного случая или чтобы подчеркнуть какую-то одну сторону общества³⁰⁵, и такие, которые могут употребляться в достаточно широком контексте. Их можно назвать относительно универсальными. Я также хочу дать определение подобного типа, которое, не претендуя на всеобщность, будет достаточным, чтобы решать поставленные задачи.

Итак, общество – это стабильное объединение людей, коллективов, групп, организаций, территориальных и иных единиц, а также материальных объектов в систему на основе разнообразных и сложных связей, зависимостей и договоренностей, которые так или иначе признаются его

³⁰³ Содержание определений зависит от исходных посылок автора, от предмета науки, от поставленной задачи и т. д. Можно говорить об обществе как о «соборном бытии» (как Франк) или как о социальном организме; как об иерархической структуре, или, подобно Л. Альтюссеру, характеризовать его как структурированное целое. «Это значит, что все его элементы как на макро-, так и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют» (Гобозов И. А. Философия истории. С. 47).

И, напротив, по Никласу Лукману, общество следует рассматривать не как целое, состоящее из частей, не как часть более обширного целого, а лишь как условие возможности взаимодействия многочисленных социальных систем (Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. С. 184).

«Э. Дюркгейм рассматривал общество как надындивидуальную духовную реальность, основанную на коллективных представлениях. По М. Веберу, общество – это взаимодействие людей, являющееся продуктом социальных, то есть ориентированных на других людей, действий. Крупный американский социолог Т. Парсонс определял общество как систему отношений между людьми, связующим началом которой являются нормы и ценности. С точки зрения К. Маркса, общество – это исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающихся в процессе их совместной деятельности» (Радугин А. А., Радугин К. А. Социология. Воронеж, 1994. С. 38).

³⁰⁴ Цит. по: Социология. Хрестоматия / Под ред. О. Н. Козловой и др. С. 27.

³⁰⁵ К числу подобных я бы отнес знаменитую мысль Тарда, что общество – это подражание, хотя сам ее творец, возможно, полагал, что она универсальна.

членами. Эта система структурируется властным центром, является независимой от других, способна поддерживать равновесие со средой, быть самодостаточной и саморегулирующейся. Она может быть представлена как состоящая из разнообразных подсистем меньшего уровня, но также и как часть более крупной системы.

Само собой, что вопрос о независимости общества весьма сложен, и говорить об абсолютной самостоятельности в условиях возрастающих контактов между ними невозможно³⁰⁶. В этом плане первобытные и ранние общества из-за своей изолированности выглядят даже более «независимо», чем современные, сильно интегрированные. Достаточно объективным и удобным показателем независимости, как признают многие, служит факт политического суверенитета, без которого очень часто социум начинает деформироваться в интересах и под воздействием более сильных систем.

Представление общества как системы вообще является очень распространенным. Системно-структурный метод сегодня один из самых популярных и, думается, один из самых эффективных и удобных для социологического и социосторического анализа. Его достоинства в том, что: а) он не позволяет выделять абсолютно главные элементы (ибо тогда нарушается принцип системы – взаимозависимость частей), но не отрицает возможности строить их иерархию; б) указание на системность освобождает во многих случаях от необходимости подробного перечисления взаимосвязей и различных элементов; в) гораздо яснее взаимообусловленность всех элементов. Также можно пытаться понять и отдаленные последствия каких-то структурных изменений; г) общество видится качественно иным объектом, чем просто сумма элементов. В нем можно моделировать некоторые свойства иных, более простых

³⁰⁶ Эдуард Шиллз отмечает условия самостоятельности обществ: саморегулирование, самовоспроизводство и независимость от других, т.е. оно не входит в качестве составной части в более крупное общество. Он также подчеркивает относительность подобной самостоятельности и то, что социальная система должна иметь свой «центр тяжести», т.е. систему власти в рамках своих границ (Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–345).

систем, которые не всегда легко понять при только социальном или историческом анализе; д) понятие системы можно переносить и на отдельные части общества, тогда последнее выглядит как сложная система, что позволяет выбирать нужный аспект анализа.

Системный подход, однако, – это общий метод для ряда наук, и потому в социологии истории должный принять особые формы и направления. Между тем наблюдается чрезмерное увлечение слишком формализованным (системно-кибернетическим) подходом. Тогда часто просто теряется специфика исторического и даже социального. Общество, конечно, система, но система особая, существенно отличная от любой другой. Поэтому и определение общества, и методы его анализа должны органически учитывать эту особенность. Только тогда они могут считаться специфическими и приемлемыми для социологии истории, могут быть использованы для перехода к теории исторического процесса.

Одной из возможностей конкретизировать системный метод для социологии истории может стать представление общества **социальным организмом**. Ведь любой организм – это система. А общество в ряде аспектов действительно имеет несомненное сходство с организмом, если только не увлекаться биологическими аналогиями. Такой подход даже способен дать общий знаменатель для выделения базового объекта социологии истории и плодотворный аспект для анализа взаимоотношения его со средой, без чего многие общества просто не понять. Он также позволяет четче отграничивать независимость общества. Но, думается, в иных случаях он менее удобен: например, когда общество есть не устойчивая система, а переживает глубокую трансформацию, раздирается социальными противоречиями, раскалывается или объединяется. Сложно выделять при таком методе и относительно главный элемент, поскольку организм, по определению, сбалансированная структура. Другая возможность приспособления системного метода к изучению обществ – очень популярный **сферный подход**. Под сферой обычно полагают развитую,

зарегулированную и в определенной мере самодостаточную и самовоспроизводящуюся подсистему общества. Этот метод позволяет выделять (чаще всего по функциональному признаку) наиболее заметные части общества. Таким образом, удастся находить общее в социальных системах, сравнивать их и определять взаимосвязи между важнейшими частями социума.

Однако налицо сложности и споры по поводу того, какие именно сферы включает общество. Абсолютизация такого деления, попытка раз и навсегда определить число и название этих частей делают сферный метод догматичным и бесплодным. Совершенно очевидно, что число сфер во многом зависит от научной задачи. В одних случаях, например, будет удобнее говорить о политической и правовой сферах как о самостоятельных, в других – выделять единую политико-правовую. Мало того, логично полагать, что по мере усложнения общества происходит определенная перегруппировка его структуры и, следовательно, могут формироваться новые сферы³⁰⁷.

Отсюда видны и недостатки сферного метода в том виде, в каком он обычно используется.

1. Он больше годится для анализа зрелых обществ, где существует сложная структура и более заметная разделенность различных подсистем. И гораздо меньше подходит для анализа обществ примитивных, где отдельные сферы еще только намечаются или слабо выражены. Какая политико-правовая сфера будет, скажем, в догосударственном обществе? Или какая духовная сфера будет в дописьменном обществе? Речь может идти лишь об элементах, в которых мы ретроспективно усматриваем будущую сферу. Таким образом, для ранней истории он не годится и, следовательно, – поскольку мы сейчас

³⁰⁷ Например, имеет право на существование и следующее утверждение, что к середине XX столетия сформировалась «экологическая сфера общества. Она представляет собой подсистему общества, способствующую реализации субъектами исторического процесса особой социально-экологической функции...» (Ремизов И. Н. От описания к управлению социально-экологическими отношениями общества // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1995. № 2–3. С. 66).

говорим о главных методах социологии истории – таковым будет лишь частично.

Поэтому мне кажется, что подобным ведущим методом может стать тот, что я называю **элементно-системным**. То есть мы выделяем главные моменты, имеющиеся в любом обществе. Только в одном это будет очень сложная система (сфера), а в другом – относительно простая и примитивная комбинация элементов. При этом элементно-системный анализ органически включит в себя и сферный, когда элементы, отношения, функции, связи и прочее образуют подсистему-сферу. Для такого органического соединения можно использовать дополнительный метод, условно названный мной методом **срезов усложнения**. Мы делаем в исследуемом длительном периоде в необходимом для нашей задачи количестве как бы замеры (срезы) и видим, каким образом рассматриваемые нами элементы усложняются и комбинируются друг с другом. Подобное усложнение можно выразить, например, в увеличении числа уровней (скажем, для производительных сил) или контуров связи (управления), если речь идет об информационной сфере, которую тоже, кстати говоря, иногда выделяют.

Такая операция позволяет также лучше определить типы общественных систем и подсистем³⁰⁸.

Мало того, указанный подход, связанный с показом, с одной стороны, единства структуры всех обществ, а с другой – различий в их сложности, позволяет «распределять» относительно главные элементы какой-то подсистемы по разным историческим периодам и типам обществ. Например, техника в производительных силах не будет всегда их сердцевинной и главной частью, а таковой могут стать иные элементы: пред-

³⁰⁸ Вопрос о типологии обществ в данном разделе я почти не затрагиваю, однако это одна из важнейших задач социологии истории. Напомню только, что нередко они выделяются по характеру связи людей в обществе. Так, Тённис делил социальные объединения на общину и общество, Дюркгейм – на общества с механической и органической солидарностью. Во многом похожее деление предлагает Семенов: на демографические социальные организмы (демосоциоры), характерные для родовых обществ, и географические социальные организмы (геосоциоры), характерные для государственно-политических. Семенов ссылается на идеи Нибура, Л. Г. Моргана и др.

мет труда (плодородие почвы, богатство недр и т. п.) или особенности населения (его многочисленность, особые трудовые навыки и т. п.). Это будет касаться и любой иной подсистемы. Так, в духовной сфере главным может оказаться религия, или идеология, или наука.

2. Из сказанного вытекает второй недостаток сферного подхода. Он по смыслу, с учетом исходного деления и сложности функционирования, предполагает равенство сфер. Во многих случаях это удобно и правильно. Но зато это лишает возможности использовать **метод относительно главного элемента**³⁰⁹.

Между тем выделение такого элемента – одна из основополагающих операций для типологии и классификации. И в зависимости от того, что именно выделять, общества можно делить, например, на до- и государственные, до- и письменные, до- и цивилизационные, до- и индустриальные и т. д.

3. Наконец, в обществе множество элементов принадлежит сразу нескольким сферам, поэтому жесткое деление нередко вызывает споры. Элементно-системный метод является более гибким, поскольку учитывает возможность по-разному выделять подсистемы в зависимости от общества и периода.

Сферный подход удобен, когда надо дать общую характеристику развитого общества как системы, показать ее части и сложность строения, перейти к анализу этих сфер по отдельности. Но когда надо найти основы социологического анализа любого общества в любой период, показать усложнение строения общества на нескольких этапах или механизмы взаимодействия его частей и т. д. – удобнее элементно-системный.

В качестве одного из возможных методов социологии истории может быть использован и так называемый **субъект-**

³⁰⁹ Попытки совместить сферный подход с идеей доминирования одной из них оказались в целом неудачными. И потому, что оба этих метода не очень сочетаются, и потому, что марксизм основывает свою теорию на принципе **абсолютной главности**, в частности базиса над надстройкой. Допустить здесь равноправность сфер – значило разрушить всю концепцию теории истории. Кроме того, на мой взгляд, марксов подход к анализу структуры общества ближе к элементно-системному, чем к сферно-системному.

ный, который основан на выделении активных участников исторического процесса. В нашем случае он тем более интересен, что важен и для философского анализа истории (вопроса о движущих силах и других), и для теории исторического процесса, и для непосредственно истории. Таким образом, он является интегрирующим, хотя в каждой науке и принимает особые черты.

Несмотря на свою широту, он использовался в историческом материализме довольно узко, прежде всего чтобы доказать, что главным действующим лицом истории является народ (массы)³¹⁰.

Из отечественных исследователей наиболее полно и глубоко, на мой взгляд, рассмотрел вопрос о субъектах истории Ю. И. Семенов. Полезно его выделение в качестве субъекта истории группы обществ. Я бы особо подчеркнул, что этот уровень исследования является в определенной мере промежуточным между социологией истории и теорией исторического процесса. Для первой – общественная система есть как бы обычный (нормальный) верхний уровень анализа, а изучение группы связанных обществ уже почти предельный, для второй – отдельное общество есть нормальный исходный уровень анализа, а объединения обществ – уже средний уровень.

Но если социология истории изучает сходства различных обществ, резонен вопрос: зачем ей анализировать группу социальных организмов? Дело в том, что последние бывают настолько тесно связаны между собой, что образуют как бы единое целое, разрывать которое даже в теории не всегда целесообразно. Одним из таких единств будут близкие в политико-культурном или этническом плане общества (вроде княжеств Руси), удачно названные Семеновым «гнездовой системой». Но видов подобных устойчивых систем довольно много. В целом я называю их **пространственно-временными группировками обществ**, среди которых можно отметить типы: хищник-жертва, донор-реципиент, колония-метрополия, союзы племен, государств и т. п. **Пространственно-временной**

³¹⁰ См., например: Материалистическая диалектика. Т. 4. С. 181.

группировкой можно считать и то, что в привычном смысле называют **цивилизациями**, т. е. регионы или страны с устойчивыми культурно-религиозными традициями, институтами и т. п. Об этом будет подробный разговор в следующих частях. Пока же мимоходом хотел заметить, что, исходя из вышесказанного, описание истории как суммы изолированных и в основном самостоятельных цивилизаций есть только частично исследование на уровне исторического процесса, а частично на уровне социологии истории. И в этом, на мой взгляд, одна из причин несоответствия такой парадигмы и избранного ей метода в плане их притязаний дать картину всемирного исторического процесса.

Во многом верным будет также утверждение Семенова о том, что «первичные субъекты исторического процесса – это социально-исторические организмы, вторичные – их системы, третичный – человеческое общество в целом, т. е. все существовавшие и существующие социально-исторические организмы, вместе взятые. Таким образом, исходной и одновременно самой важной категорией исторической и вообще всех общественных наук оказывается понятие социально-исторического организма, что делает необходимым его дальнейший анализ»³¹¹.

Однако позволю себе не согласиться с излишней категоричностью автора. Общество, действительно, естественный, базовый уровень для теории исторического процесса. Но почему социально-исторический организм должен стать исходной и самой важной категорией «исторической и вообще всех общественных наук»? Ведь в зависимости от научной задачи такими могут стать и иные уровни (например, если изучаются небольшие коллективы, как в микросоциологии).

Кроме того, принятие базового уровня (или субъекта) не означает отрицания или игнорирования иных. Поэтому трудно согласиться и с таким утверждением Семенова, что хотя история складывается из деятельности людей, «но не отдельные люди являются субъектами исторического процесса. Это в

³¹¹ Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 20.

равной степени относится как к рядовым его участникам, так и к крупным историческим деятелям. Жизненный путь Наполеона Бонапарта, например, не есть исторический процесс. Это всего лишь момент, хотя и существенный, истории Франции и Европы. Именно в качестве такового он и представляет интерес для историка»³¹².

Однако на этом основании можно «вычеркнуть» из субъектов исторического процесса и партии, и группы, и сословия, и классы, и даже общества и народы, поскольку никто из них в отдельности не представляет исторический процесс, а лишь все они вместе, во взаимодействии и контактах. Но процесс потому и является процессом, что включает в себя множество вещей, сил, эпизодов. **Субъект же, по смыслу, по определению, тот, кто оказывает активное, сознательное влияние на ход событий и относительно самостоятелен в своих действиях.** И крупные деятели как нельзя лучше подходят под эти требования. Во многих случаях гораздо лучше, чем лишь в теории выделяемые классы или этносы, которые никогда объединенно не действовали и не выступали.

Из многих объектов анализа, которые должны быть исследованы в социологии истории, субъектами истории будет лишь часть. Поэтому субъектный метод, при всех его достоинствах, имеет и существенные ограничения.

От него естественно перейти к другим. Если общество – нормальный верхний уровень анализа социологии истории, то каков же нижний? Логично, что первоначально мы можем полагать таким индивида или даже составляющие его личность моменты и действия. Именно в этом поиске исходного пункта анализа «клеточки общества» и прочего социология и обрела свой предмет. Во многом подражательно занималась поисками «кирпичика», «клеточки» общества и наша социальная философия. Однако, как сказано, социология и социология истории исследуют во многом разные объекты. Метод, удачный для микросоциологии, уже менее приемлем на уровне макросоциологии и имеет весьма ограниченное применение в со-

³¹² Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 11.

циологии истории. Не говоря уже, что нет согласия в том, что именно избрать таким пунктом: социальное действие, социальное положение, социальное отношение, их символические образы в сознании людей, что-то другое или все их вместе.

Главное, что спускаясь на этот уровень, мы убеждаемся: а) за элементарные и исходные моменты анализа эти «атомы» и «клеточки» удобно принять, только исследуя одно общество (или несколько близких по типу), и то не слишком большого временного периода, или даже не общественную систему целиком, а лишь какую-то ее часть. И это легко объясняется. Социальные действия, отношения и т. п. в огромной степени носят в себе на микроуровне печать более крупных блоков общества (а то и всей социальной системы) или есть особый результат воздействия общества на индивидов. В конкретном социуме это общее в целом нам понятно, и мы можем абстрагироваться от него. Но во множестве социальных организмов они настолько различны, что на таком уровне между ними общего знаменателя не найти; б) эти «элементарные» вещи есть не только индивидуальные, но скорее надиндивидуальные реальности, поскольку очень часто, а в исторических обществах и подавно, «над индивидом стоит высшая духовная реальность, а именно коллектив»³¹³. Но добавим, не только духовная, а и материальная, политическая, экономическая и пр. И, следовательно, в) в рамках социологии истории, исследующей и сравнивающей множество непохожих обществ, в которых у людей разные ценности, **гораздо легче понять индивида из общества, чем наоборот**. Отсюда исходные пункты меняются местами: чтобы увидеть социальное отношение или действие и тем более их «символы» в психике людей, надо понять общество в целом, т. е. его структуру и функции, главные отношения, институты, ценности и пр. Поэтому вышеопи-

³¹³ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 7–8. Сложность в исследовании истории исходить из индивидуальной воли Лев Мечников образно выразил так: «Ни один «Эдип социологии» не дал до сих пор точного, ясного и определенного объяснения, почему историческая жизнь началась не с анархических и свободных группировок как наиболее совершенной формы организации, но совершенно с противоположных форм» (Мечников Л. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 254).

санный метод пригоден в социологии истории лишь как частный³¹⁴, поскольку данная крупномасштабная теория требует и **более масштабных исходных начал.**

Такие объекты анализа, как нации, классы, социальные группы, сословия и прочее, бесспорно, хороши, и потому они всегда и всеми практически используются в исследовании. Но классы не существуют в доклассовом обществе, а сословия – в до- и послесословном; нации сильно отличаются от племен, а в малочисленных обществах не резон говорить о массах. И т. д. Мне думается, что такие объекты анализа нуждаются в определенной систематизации, типологии и выделении их родовых черт. Категории, которые помогают решить эти задачи, я предлагаю называть **единицами анализа.**

Выражения политическая, социальная и т. п. единица встречаются весьма часто и в самом разном значении. Но ясной теории, методологии, принципов выделения и типологии таких единиц нет не только в социологии истории, но даже и в социологии³¹⁵.

Если удастся найти родовые черты объектов социологии истории, будет гораздо легче анализировать, на первый взгляд, такие разные моменты, как племя и государство; религиозные и научные корпорации, классы и касты и т. д. Конечно, для множества задач именно их различие и есть ключ к решению. Но в других случаях отсутствие родовых понятий мешает увидеть не только общие моменты, но и переходные или тупико-

³¹⁴ Это, конечно, не говорит о строгой отгороженности микросоциологии и социологии истории. Чем более частные задачи в последней мы ставим, тем мельче единицы отсчета, пока мы не придем к мельчайшим. Но даже и в этом случае будут различия, поскольку потребуется создать микросоциологию истории.

³¹⁵ Чтобы не быть голословным, приведу высказывания Дж. Тернера: «В самом деле, в то время как социологи различают такие возникающие явления, как первичные и вторичные группы, различные формы бюрократизации, различные социальные институты, городские и сельские сообщества, а также примитивные, переходные и современные общества, они оказались не в состоянии выработать теоретические суждения о том, какие из этих явлений являются **родовыми** и потому отличаются друг от друга в терминах определенных **основных свойств**». «Эти усилия сопровождаются сравнительно редкими попытками разработать понятия относительно **природы единиц**, находящихся в отношениях друг с другом».

«Итак, короче говоря, сторонники каждой из названных концептуальных перспектив редко обсуждают общие типы единиц, находящихся в отношениях друг к другу» (Тернер Дж. Структура социологической теории. – М., 1985. С. 387, 388, 389).

вые (в противовес прогрессивным) виды и побуждает к поиску известных форм (например, классов) там, где их нет или они играют малую роль. Важны подобные единицы и в анализе этнической структуры.

Я выделяю восемь таких единиц, в зависимости от их природы и функций: **родственные, этнические, производственные (хозяйственные), экономические³¹⁶, политические, социальные, военные, духовные** (религиозные, идеологические и прочие). Речь идет прежде всего не о подсистемах общества и не об абстрактных конструкциях, а о реальных объединениях типа цехов, тайных обществ, храмовых хозяйств, университетов и т. п., или четко выраженных слоях и группах (сословия, касты, этнические, религиозные общности и т. п.). Но единицы анализа могут быть и более абстрактными (вроде классов в ряде древних и средневековых обществ, где они конструируются больше теоретически).

В любом случае, чистая единица – это идеальный тип, поскольку такие объединения и группы неоднородны. Например, в реальности политическая единица имеет и некоторые хозяйственные или военные функции. Но в более развитых обществах дифференциация функций увеличивает и количество видов таких единиц, а в менее развитых они чаще выступают как смешанные, а то и вовсе не разделены, синкретичны. Так, племя во главе с вождем может быть сразу и политической, и этнической, и военной, и идеологической единицей. Но хотя число таких единиц в разных случаях различно, они непременно есть в любом обществе, либо (если оно слишком мало) само общество есть такая предельная единица.

Этот термин имеет следующие достоинства: 1) он прост, нейтрален, неидеологизирован; 2) показывает некий предел, уровень, амплитуду, в рамках которой мы действуем. Он обладает важными методологическими качествами – предельностью и определенностью; 3) дает возможность для плодотвор-

³¹⁶ Связанные с обращением, распределением, сбором налогов и пр. Например, группы купцов (гильдии, товарищества и прочее), компании откупщиков и т. п.

ных мыслительных группировок разнообразных явлений и позволяет сделать типологию таких предельных единиц относительно легко; 4) показывая общее, не предопределяет конкретных форм и черт таких единиц ни в отдельные исторические периоды, ни в конкретном обществе. Но до определенной степени это может быть сделано, если будут поставлены соответствующие задачи. Например, выяснить типичные хозяйственные единицы охотничьих обществ или типичные единицы какой-то формации; 5) важно, что этот способ позволяет опираться на естественные основания и образования; 6) даже там, где важнее подчеркнуть именно различия между видами одной и той же единицы, он служит удобным фоном или точкой отсчета при анализе; 7) его легко связать с субъектным методом, а также и с вопросом о роли личности. Так, нередко выдающиеся личности противопоставляли себя таким группам-единицам (вождь – племя, ересиарх – церкви и т. д.). В этом случае они по силе становятся сравнимыми. Следовательно, выдающиеся люди при необходимости могут быть рассматриваемы как предельные единицы анализа.

В зависимости от нашей задачи, объема и прочего «число структурных единиц может варьировать от малой группы до целого общества»³¹⁷. Если мы говорим о структуре общества (вообще), то ясно, что такие элементы должны быть меньше его, иначе их нет смысла использовать. С этой точки зрения общество можно представить как сложную систему взаимодействующих политических, этнических, родственных и иных единиц. Если же мы сравниваем общества (или периоды), т. е. используем сравнительно-исторический, точнее сравнительно-социологический метод, то базовой единицей может выступать и общество в целом, взятое в определенном аспекте. Например, гораздо яснее будет общее между родом (кланом),

³¹⁷ Блау П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель /Американская социологическая мысль /Под ред. В. И. Добренко. М., 1994. С. 13. Как справедливо пишет этот ученый: «Исследователь решает, какой уровень структуры изучать, а также, что будет **единицей его анализа** (выделено мной. – Л. Г.), о структуре которой представляется возможным сделать обобщения. Какой бы уровень структуры ни избирался, он может быть проанализирован по отношению к его соседним уровням» (Там же. С. 20).

племенем, союзом племен, государством или даже союзом государств как независимых политических или военных предельных единиц. Выстроенные в последовательный ряд, такие единицы можно представить и как однопорядковые в развитии (например, от рода до союза государств типа ЕС). Но в рамках общества политическими единицами могут быть проживающие там племена и народы, провинции (княжества), партии и т. д.

Конечно, метод выделения единиц анализа имеет свои ограничения, но во многих случаях он достаточно продуктивен и, думается, является не только специфическим, но и одним из главных для социологии истории. А вот другой таковым, полагаю, признать нельзя. Я имею в виду стремление анализировать до- и некапиталистические общества политэкономическим способом. Он характерен не только для отечественной науки. Но у нас имеет мощные традиции и корни в марксизме.

Разберем, почему данный метод неприемлем как основной для социологии истории. Политэкономия исходит в своих рассуждениях из того, что индивиды действуют главным образом руководствуясь чисто экономическими мотивами выгоды или прибыльности и т. п. Мало того, эти побуждения базируются на строгой рациональности. Отсюда применение политэкономического метода по смыслу предполагает, что действия экономических агентов определяются лишь отношениями собственности, гражданского права и стремлением к рационально просчитанной прибыли. Иными словами, здесь противопоставлены экономические (прежде всего собственности) отношения прочим: социальным, политическим, идеологическим (и частично правовым). И от всех, кроме первых, абстрагируются, предполагая, что их влияние на экономические не столь существенно. Такое представление о независимости экономики от всех других сфер отношений я бы назвал идеей о **социальной нейтральности**³¹⁸.

³¹⁸ Эта не всегда четко выраженная посылка присутствует в таких подходах, как определение стоимости товаров либо количеством труда, либо только спросом и предложением, либо предельной полезностью и т. п.; в теориях свободной конкуренции (подвергшихся ревизии в 20–30-х годах XX в.); в концепциях эксплуатации преж-

Между тем в любом обществе и на экономические отношения, и на экономическое поведение индивидов действуют многочисленные факторы, равно как и их изменения: роль государства и его военно-политическое положение, характер географической среды и исторически сложившиеся средства производства; сословно-классовое деление, религиозная и этническая (расовая) принадлежность и соответствующие идеи, обычаи, традиции и ценности; престижность занятий и многое-многое другое. Причем в разных обществах (и на разных этапах) могут быть более сильными те или иные факторы, а все вместе они создают то, что можно назвать **социальным «вектором»** или **«магнитным полюсом»** общества. И далеко не всегда он определяется именно тем, что считается главным в политэкономии. Ситуации социальной нейтральности в чистом виде нет, не было нигде и не могло быть. Но если для капиталистического общества в научных целях ее где-то и можно допустить, то для большинства исторических обществ влияние различных социально-политических и духовных сил столь велико, что абстрагироваться от него невозможно. Напротив, надо как раз и признать **наличие этого неэкономического (или внеэкономического) момента в качестве важнейшего не только в обществе в целом, но и в его экономике как специфику социологии истории** (и само собой просто истории).

Виднейший теоретик капитализма М. Вебер подчеркивал, что стремление к наживе (даже и к прибыли) было во многих обществах, но капиталистическое хозяйство от них отличается именно **рационализмом**. И именно появление рационального экономического мышления и соответствующей ему этики он и считает рубежом между средневековьем и капитализмом. В большинстве же исторических обществ господствовали иные ценности, чем только голое стремление к прибыли, а тяга к богатству обрела особые формы. К тому же многие мате-

де всего и всегда через отношения собственности на средства производства; модели базис-надстройка и других.

риальные блага имели нетоварное или специальное значение.

Строго говоря, и для социсторического анализа буржуазных обществ это порой слишком сильная абстракция³¹⁹. И для современных обществ Запада политэкономический метод может быть использован лишь в ограниченных пределах, поскольку сегодня слишком велика роль государства в экономике, распределении и прочем. А государство действует далеко не всегда из чистой экономической выгоды. Итак, если для капиталистического общества этот метод в каких-то рамках может быть применим, то для других типов обществ его неприложимость как главного несомненна³²⁰.

Отмечу, что если в отечественной социологии истории данный подход обычно несколько ограничивался историческими реалиями, то идея создать политическую экономию для докапиталистических формаций была изначально обречена на неудачу. По этой причине оказались, на мой взгляд, в главном бесполезны усилия такого крупного теоретика, как В. П. Илюшечкин, ставившего целью создать политэкономии докапиталистических сословно-классовых обществ, при других многочисленных достоинствах его работ. Если не грешить против исторических реалий, то такие попытки приведут в конце концов ко все большему удалению от чистой политэкономии и переходу к социологии истории и теории исторического процесса. Так зачем же делать это таким сложным способом?

Поэтому политэкономический метод применять для докапиталистических обществ примерно так же разумно, как пытаться выработать теорию национализма для донациональных обществ; теорию государства и права для догосударственных

³¹⁹ Ф. Бродель неоднократно подчеркивал, что «правила рыночной экономики, какими описывает их классическая экономическая наука, намного реже действовали в своем обличье свободной конкуренции в верхней зоне – зоне расчетов и спекуляции», которую он прежде всего и определяет как капитализм, что в его понимании есть «накопление могущества», и «социальный паразитизм», который «строит обмен на соотношении силы в такой же и даже большей мере, нежели на взаимности потребностей» (Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 6.).

³²⁰ Более приемлемый метод, связанный с анализом экономической подсистемы, я предлагаю в § 4.

(или до появления писаного права) обществ; идеологии для обществ с анимистической или шаманской религией. Но он годится как подсобный в тех обществах, где появляются элементы товарного хозяйства (например, в античности), недаром же и элементы политэкономии появляются в Греции с Аристотелем.

Теперь немного скажем о методе, который в целом можно охарактеризовать как обращение к природе (исходным чертам, инстинктам и т. п.) человека. Конечно, он оказывается мало-полезным для социологии истории, если применять его чисто антропологически (внеисторически), представить эти «страсти», «инстинкты» или нечто подобное аксиомами, из которых выводится вся история.

Герберт Маркузе, не чуждавшийся такого подхода, писал: «Понятие «инстинкт» (влечение) ... относится к первичным «побуждениям» человеческого организма, которые подвержены исторической модификации»³²¹. Особенно необходимо обратить внимание на слова об исторической модификации этих природных начал (а их не одно, а много), без учета которой данный метод станет очередной догмой. Но если эти биопсихические и биосоциальные черты человека как вида избрать базовыми моментами, то на этой базе можно надеяться обнаружить некие изначальные, неизбежные (атрибутные) свойства человеческих коллективов и обществ, трансформацию, вариации и раскрытие потенций которых мы наблюдаем в истории. Тогда этот подход способен стать исходным (но не предопределяющим) пунктом для сравнительного анализа обществ³²². И тот факт, что интерес к этим проблемам, существовавший всегда, в последнее время даже растет, косвенно подтверждает сказанное³²³.

³²¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. С. XXVIII.

³²² Более подробно этот метод описан мной в кн.: Гринин Л. Е. Философия и социология истории ... Ч. 1. Гл. 2. § 4.

³²³ «Особый интерес, особенно в зарубежной науке, вызывают представления о том, как эволюция проявляется и формирует психику и поведение человека; авторы многих смежных наук обсуждают это как вопрос «о природе человека», его «биограмме», т. е. о чертах, присущих ему как представителю биологического вида. Предлагаемые различными авторами свойства во многом описывают аналоги животного

Довольно давно сформировался метод рассмотрения и исследования общества по институтам. В конце XIX – начале XX века наиболее частое внимание привлекали религия, а также семья, брак, государство, собственность и другие. В XX веке в связи с новыми реалиями нередко исследуются техника, производство, наука и т. д. В последние десятилетия особенно активными стали исследования социологии (а также и философии) отдельных областей (сфер) жизни общества: политики, национальных отношений, культуры и т. д.

Аналогичные исследования, но проведенные в рамках социологии истории (т. е. если вопрос не рассматривается практически внеисторически, а историю не делают просто фоном, оттеняющим современную ситуацию), имеют в рассматриваемом здесь аспекте несомненно большое значение. А метод исследования и сравнения отдельных институтов, отношений или сфер в рамках социологии истории можно считать одним из основных. Его ценность тем более возрастает, что он в принципе ясен, хорошо разработан и привычен. Но наиболее удачным он окажется в сочетании со сравнительно-социологическим методом, помогающим увидеть развитие института или сферы в достаточно широком контексте и не позволяющим экстраполировать нынешние реалии на прошлое.

Данный метод занимает средний уровень между элементарно-системным, сферным и т. п. и приемами микросоциологии истории. Следовательно, очень важные, но узкие исследования отдельных общественных моментов нуждаются в объединении их более высокими теориями, которые, в свою очередь, без первых повиснут в воздухе.

И последний метод, о котором хочу сказать в этом параграфе, – это представление общества как главной и зависимой частей. В марксизме это всем известные **базис и надстройка; общественное бытие и общественное сознание**. Эти категории и

мира и относятся к разным уровням обобщения (например «стратегии поведения», «агрессия», «социальный характер жизни», «морфология тела», «альтруизм»)» (Трофимова И. Н. Универсальные эволюционные признаки как основа анализа человеческой природы // Философские исследования. № 3. 1995. С. 5).

их использование совершенно справедливо подвергались всеобщей критике за попытки подогнать историю под схему. Фактически они в своей классической трактовке оказались пригодными лишь для ограниченного числа случаев. И все же в них есть рациональное зерно. И для определенных целей они могут быть использованы. И это как раз хороший случай показать принципы определения приложимости методов.

Относительно базиса и надстройки следует заметить следующее. Уже потому, что нет абсолютно главных законов, идея о том, что какой-то элемент всегда определяет другие, будет неверна. Однако выделение относительно главных элементов в данной системе координат имеет важный смысл. В одном варианте такой элемент может быть переменным, т. е. в рамках социологии истории для отдельных периодов, обществ и их групп им становятся разные подсистемы и институты (собственность, религия, государство и т. п.). Подобные идеи родились давно, высказываются они и сегодня³²⁴. Я хочу лишь подчеркнуть, что это как раз случай выделения **базиса и надстройки**, т. е. определяющей и определяемой частей системы. В таком случае использование понятия «базис» (если не говорить о неприятии некоторыми самого этого слова) не вызывало бы возражений.

Другой вариант решения – при точно оговоренных условиях и отбрасывая сразу же идею автоматического доминирования базиса над надстройкой всегда и везде, принять за базис постоянный для социологии истории элемент. Но тогда здесь

³²⁴ Приведу длинную цитату Н. С. Розова, который описывает такой прием. «Сама конструкция причинной связи должна быть сложнее. Метафору шарика, толкающего другой шарик, или нажатия курка, ведущего к выстрелу, должно заменить понятие социокультурного процесса, входами, выходами, операндами и операторами которого являются природные, технологические, социальные, психологические и культурные компоненты. Причем человек участвует в процессе во всех этих ипостасях, а вещи, тексты и условия – лишь в некоторых. Внутри каждого процесса и между процессами постоянно появляются дефициты, препятствия и возможности, включающие механизмы роста и развития. Иногда в этой игре механизмов и процессов большую значимость могут приобретать технологические и социально-экономические компоненты, иногда – политические и правовые, иногда – психологические и нравственные, иногда – специфически культурные. Историческое исследование и моделирование культуры должно учитывать все эти возможности» (Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С. 113)

же возникает вопрос: какой элемент избрать таковым? Я считаю, что производственные отношения (и тем более отношения собственности) для этого подходят меньше, чем выделяемая мной **природно-производственная основа общества**. Она включает, в моем представлении, часть географической среды и производительные силы, и о ней подробно речь идет в следующих параграфах. Надстройка же в моем понимании – все остальное общество (отношения, идеи, институты и прочее).

Почему мой вариант удачнее? Во-первых, производственные отношения были избраны базисом, потому что Марксу требовалось подчеркнуть именно первенство отношений собственности перед другими. Но в этом случае географическая среда и производительные силы как бы выпадают из данной системы. Между тем базис по смыслу – это основа, фундамент. А за них логичнее брать именно материальную основу общества. Во-вторых, и фактически, базисная роль географической среды до нового времени, а индустриального производства – в новое и новейшее гораздо доказательнее. К тому же экономические отношения (и тем более отношения собственности) слабо дифференцированы в первобытности и во многих обществах древности, в то время как выделить в этих случаях природу и производство – значительно легче. Можно привести и другие аргументы.

Но все же вычленение постоянного базиса в рамках социологии истории, учитывая, что нередки ситуации, когда главным в том или ином обществе или на каком-то временном отрезке выступает другой элемент, нельзя признать одним из ведущих методов этой науки. Какой же резон говорить об этом? Их два. Во-первых, сейчас речь у нас идет не о всей социологии истории, а лишь о социологических основаниях теории исторического процесса. Вся же эта область столь громадна, что даже общие принципы ее требуют самостоятельного и объемного исследования. Достаточно сказать, что нужно описать типы и подтипы обществ, отдельных элементов, институтов и сфер, их комбинации, показать различные взаимоотношения внутри и частично между обществами и

т. п. И если перемножить это на гигантское число обществ, поле деятельности предстает необъятным.

Поэтому метод представления обществ как базиса-надстройки при всегда постоянном базисе ограничен и мало-пригоден, когда мы хотим говорить о равноправии, специфике, уникальности обществ, о самодостаточности культуры и религии в какие-то эпохи и т. п. Но как важное основание теории исторического процесса он заслуживает внимания. Через выделение доминирующего элемента удобнее строить периодизацию исторического процесса, «генеральную линию» истории, делать другие обобщения. И мы убедимся в этом в следующей части.

Во-вторых, такой метод все же может быть признан в ряду главных для социологии истории, если нам удастся удачно совместить его с принципом переменного фазиса. О чем и пойдет речь во втором параграфе.

Сказанное о базисе и надстройке во многом годится и для соотношения бытие-сознание. Но об этом подробнее в своем месте.

Разумеется, мы рассмотрели не все методы. Число их, безусловно, больше. Кроме того, они как бы переходят друг в друга, могут дополнять и заменять один другой в определенных случаях. Они также не используются в чистом виде.

Важно, что читатель убедился, во-первых, в том, что все методы носят ограниченный характер и потому могут использоваться лишь в определенных рамках. Но эта ограниченность у тех или иных методов колоссально различается. Во-вторых, что желательно критиковать не методы вообще, а попытки сделать их всеобщими, или навязать несоответствующему материалу, или неумение понять, когда и где они могут эффективно применяться, а где непродуктивны и т. п.

И, наконец, в-третьих, важнейшая задача науки – найти собственное «рабочее место» каждой разумной идее (и методу). Фигурально выражаясь, «определить круг ее обязанностей». И подобно тому как рынок объединяет его участников, так и над различными идеями и методами могут стоять в каче-

стве объединительных концепции содержательного, методологическо-операционалистского или гносеологического плана. И тогда многие проблемы окажутся решаемыми.

§ 2. Природно-производственная основа как базис общества

В этом параграфе мы разовьем тему базиса и надстройки. Избрание какого-то элемента главным в системе в методологическом плане очень удобно, поскольку придает теории стройность и логичность, а иногда позволяет, «по выражению Декарта, найти лазейку» к научности фактов³²⁵. Но все эти и другие плюсы перечеркиваются, если настаивать на безусловной объективности и непререкаемости такого деления. В подобном случае теория становится односторонней и догматичной. Именно поэтому я подчеркиваю **относительность главности** избранного элемента. В принципе исследователь вправе избрать таким любой, поскольку в системе все влияет на все, а надстройка противопоставляется базису лишь в одном из многих отношений: силе влияния друг на друга и на общество в целом. Но ясно, что подобному предпочтению должны быть солидные основания. Несомненно, что признание условности и относительности созданной иерархии элементов больше отвечает подлинной научности, а «парадокс заключается в том, что условием стремления к объективности является осознание ее отсутствия. Получается, что вера в объективность своих результатов уводит от нее, а признание субъективности полученных выводов и слабости своих методов означает шаг к объективности»³²⁶.

Итак, базис – это относительно главный элемент, выделяемый в общественных системах, исследование которого во многом дает ключ к пониманию их в целом, поскольку мы признаем его влияние на другие элементы и на всю

³²⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 41.

³²⁶ Леденева А. В. Указ. соч. С. 14.

систему более значительным, чем влияние других элементов и сфер на него и всю систему.

Подобного рода связи, по словам Арона, «современные социологи назвали бы не отношением причинной необходимости, а **отношением воздействия**» (выделено мной. – Л. Г.)³²⁷. Для пояснения характера модели «базис-надстройка» можно также использовать понятия определяющей и управляющей сторон, анализируемые нашей философией. Будем считать базис определяющей, а надстройку – управляющей сторонами. Отношения между ними не жесткие: базис очерчивает границы возможностей, объем ресурсов и варианты развития надстройки. Если таких вариантов несколько, то от того, какой именно возобладает, в свою очередь, сильно зависит и сам базис. Соотношение определяющей и управляющей сторон будет еще яснее, если в качестве примера взять автомобиль (определяющая сторона) и водителя (управляющая сторона). Читателю нетрудно будет представить себе возможности и ограничения, которые дают шоферу разные марки автомобилей, а также понять, почему в одних руках машина служит долго и безаварийно, а в других – нет. В таком аспекте структура надстройки нас интересует лишь во вторую-третью очередь. Но это становится важным, если мы попытаемся принцип относительно главного элемента провести дальше и посмотреть, что из надстроечных компонентов будет базиснее других?

Суммируем, что же все-таки дает выделение постоянного базиса (безотносительно к тому, какая подсистема для этого избрана). Во-первых, это модель, которая помогает мысленно разорвать взаимозависимость элементов системы. Если в ней все связано, то любой компонент можно понять, лишь уяснив структуру целиком. Но чтобы это сделать, нужна упрощенная схема, каковой и выступает «базис-надстройка». Во-вторых,

³²⁷ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 57. Комментируя идею Монтескье, Арон пример такого рода связи находил в обусловленности «того или иного государственного строя географической средой», когда «та или иная причина воздействует таким образом, что возникновение данного государственного строя становится более вероятным, чем какого-либо другого». (Там же).

следовательно, такой метод дает отправную точку и определенный алгоритм исследования. Нахождение базиса в отдельном обществе может оказаться порой равнозначным открытию ключевого факта, который по-новому освещает уже известные и указывает ответы на трудные вопросы. А для охвата сразу множества обществ такой метод – одна из возможностей увидеть их в онтологическом и методологическом единстве, а также и выделить и основания типологизации. В-третьих, это своего рода «строительные леса», необходимые для перехода к поиску критерия периодизации и создания ряда специальных категорий в теории исторического процесса. Есть и другие эвристические возможности данного метода.

Я уже приводил некоторые аргументы предпочтения в указанном плане именно природно-производственной основы. Об этом еще будет речь. Но чтобы лучше прояснить вопрос, рассмотрим глубже содержание данного понятия.

Сначала выясним, что понимается под **природной** основой общества? Ее можно определить, как часть географической среды, которая интегрируется в общество и оказывает на разные его сферы базисное воздействие.

Каналов взаимодействия ее и общества много. Так, несомненно тесная связь общественного сознания с окружающей людей природой (например, при обожествлении последней); политическая сфера имеет продолжение в реальной территории с укрепленными пунктами, границами и пр.; экономическая подсистема не существует без объектов собственности (земли, леса). И т. д. Такую связь географической среды и общества можно представить и как ситуацию, когда каждая сфера имеет в рамках единой природной основы как бы свой собственный природный базис. Эту идею мы еще несколько разовьем дальше, хотя вообще она требует специального исследования, невозможного в данной работе.

Но, несмотря на многообразие взаимодействия географической среды и общества, на мой взгляд, наиболее системно, глубоко и мощно такая интеграция осуществляется в производственной подсистеме (доказательства дальше). Разумеется,

вероятны случаи, когда наибольшее влияние природной основы будет заключаться не в производственном моменте. Так, возможно, что для кочевников-грабителей удобные пути и условия для набегов будут самым важным фактором (хотя и степняки нуждаются в корме для коней и прочем). Но, полагая, на высоком уровне исследования такими вещами можно пренебречь. **Поэтому весь этот комплекс, охватывающий общество и часть так или иначе интегрированной в него природы, я буду называть по главной артерии их связи природно-производственной основой общества.** В широком смысле слова он включает в себя всю интегрированную в общество природу и производство. В узком смысле слова – производство и только ту часть географической среды, которая с ним связана.

Неудивительно, если читатель задаст вопрос о правомерности такого соединения общества и природы. Само собой, что объединение или противопоставление определяются двумя главными вещами: характером исследуемых объектов и удобством решения поставленной задачи. Хотя в нашей науке обычно общество и географическая среда противопоставляются³²⁸, есть и мнения, обосновывающие возможность представления их как единой системы³²⁹, правда, не всегда достаточно разработанные. Если мы стремимся строго подчеркнуть отличие социального от природного или специально исследуем влияние внешней среды на общество, противопоставление будет естественным. Но если мы хотим понять структуру, функции, а равно доминирующие в обществе связи, то ситуация, на мой взгляд, существенно меняется. Представьте, что перед нами общество солнце- или огнепоклонников. Будем ли мы

³²⁸ Иногда это противопоставление бывает достаточно гибким: «Вторая», т. е. окультуренная человеком, часть природы, конечно, не может входить в состав общества, являющегося совокупностью и системой различных внеприродных (отличных от природных) отношений между людьми и созданных для этих целей органов, учреждений и организаций. Но она одновременно является и таким переходом, связующим общество и природу» (Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978. С. 45).

³²⁹ См., например: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Т. 3. С. 327–336. Можно также отметить работы А. М. Ковалева.

считать огонь или солнечный свет только внешними его моментами? Или это в определенной мере уже и часть самого общества? Я склоняюсь ко второму варианту. Для меня также несомненно, что если какое-то влияние постоянно, взаимно либо вероятность катаклизмов, так сказать, запрограммирована, то в ряде случаев гораздо удобнее рассматривать две эти системы как одну. Тем более, что обоюдное воздействие становится по мере развития социума все более глубоким и системным. Надо также совершенно ясно понимать, что речь идет не вообще о всей природе, а лишь о ее части, подвергшейся социализации. А остальная логично выглядит внешней силой, если только нам не требуется представить человека и общество частью природы. Но проблему можно рассмотреть и с иной стороны.

Если бы мы считали, что общество есть только духовно-психические (индивидуальные и коллективные) явления, а все остальное – внешнее, несущественное, тогда строгое отделение природы от общества было бы вполне логичным. И нам, очевидно, стоило бы попытаться снять «налет» материального с социального³³⁰. Но нужно ли это делать? Не приведет ли это нас к недопониманию общественно-системных процессов? Ведь во-первых, сами люди – существа не только социальные, но и природные (биологические), причем четкую грань здесь провести сложно. Во-вторых, в состав общества входит огромное (и все возрастающее) количество материальных объектов (тех же средств труда, памятников культуры, предметов потребления и т. п.). Если вдуматься, различия в рассматриваемом аспекте между ними и природными объектами, включенными в производство или жизнь (типа почвы или воды в водопроводе), лишь в степени их социализации.

В-третьих, общество есть органичный синтез всех форм движения материи. Действительно, его специфику составляет

³³⁰ Примерно так ставил вопрос Франк: «Вопрос, однако, заключается в том, состоит ли социальное явление, как таковое, из этих физических процессов, или оно только связано с ними и имеет их своим внешним следствием и спутником.

Нетрудно усмотреть, что именно последнее соотношение выражает подлинное существо дела» (Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 65).

именно социально-духовное и психическое. Но эта особенность не может существовать вне материального. И уж тем более нам не понять ни функционирование, ни взаимодействие частей общества, если мы исключим из анализа материальные факторы. Такой подход не только не подвергает сомнению специфику социального, но как раз и дает возможность оттенить его, показать, как и почему оно существует в синтезе с материальным.

В-четвертых, общество и природа и в самом деле есть система. Совершенно очевидно, что общество расположено на определенной территории и что между географической средой и им происходит: а) обмен веществ; б) взаимное воздействие; в) взаимное преобразование. С этой стороны данный комплекс выглядит не просто системой, но системой интегрированной, поскольку происходит срастание обеих его составляющих в ряде моментов. Вынося же природное окружение за «скобки» общества как внешнее, мы тем самым исключаем его из одноуровневого анализа. Между тем это и материальный субстрат социальных отношений, и фундамент, на который опираются все сферы социума в виде тех или иных благ (земли, полезных ископаемых и пр.), а также часто цель деятельности людей или общественной борьбы. В конечном счете почти все крестьянские движения и множество революций проходили под требованиями земли. Легко ли «выключить» ее из общественной структуры?

Да, разумеется, природа остается природой. Но, будучи в той или иной степени подвергнута социализации, приобретает помимо первой своей сущности и вторую – социальную. И она «двойственна» тем более, чем сильнее осоциализирована, познана, включена в практику, подвергается влиянию и влияет сама³³¹.

³³¹ Конечно, возникает практический вопрос: каковы процедуры, объемы и пределы такого «включения»? Подробный анализ потребовал бы много места. Кратко можно сказать, что чем меньше освоенность, познанность природы и степень влияния общества на эти объекты, тем меньшую их часть (и пространственно, и структурно) можно считать элементами общества. И значит, в зависимости от ситуации степень такого «включения» будет колебаться от почти полной до ничтожной, чисто символической. Соответственно, по мере развития науки, антропогенного влияния и размаха

В настоящем параграфе я попытаюсь показать целесообразность выделения в рамках социологии истории в качестве постоянного базиса именно природно-производственной основы. Но с одновременным выделением и **переменных базисов**. Ибо только такое объединение и способно сделать базисный метод по-настоящему плодотворным и одним из ведущих в социологии истории.

Для того чтобы увидеть, как это возможно, попробуем сначала преобразовать вышеприведенное понятие базиса в общесоциологический закон. Однако надо помнить, что: 1) закон строится не в абсолютном выражении (одно всегда и постоянно определяет другое), а по правилам пропорции (чем ...тем), причинно-следственной связи, импликации (если ...то) и т. п.; 2) взаимное влияние между базисом и надстройкой есть процесс двусторонний, хотя степень приспособляемости частей друг к другу разная; 3) влияние избранного базиса на надстройку будет ярким и заметным не всегда, а лишь в части случаев, хотя и достаточно большой. И лишь для подобного множества будем считать, что изменение базиса неизбежно так или иначе ведет к изменению надстройки либо, если такой трансформации не происходит, к глубокому кризису общества. Изменения же в надстройке всегда ведут к аналогичным переменам в базисе; 4) яркость и заметность воздействия сильно зависят и от пространственно-временного масштаба анализируемой действительности; 5) в ситуациях слабого или незаметного влияния базиса на надстройку мы также можем считать выведенный нами закон действующим. Но поскольку здесь такое воздействие либо незначительно само по себе, либо нейтрализовано другими факторами, данный закон в этих случаях не играет важной роли; 6) избрание базисом другого элемента, чем наш, вполне допустимо, поэтому нужно дока-

деятельности природа все больше входит в состав общества, оставаясь, конечно, и природой.

Дополнительно к сказанному следует также заметить, что чем большее значение общественное сознание придает каким-либо природным объектам и моментам, тем важнее роль этого природного бытия, которое становится в той или иной мере и бытием общественным. Иначе получается, что часть общественного сознания находится вне связи с общественным бытием.

зять, что при таком подходе яркость проявления закона будет реже и слабее, а использование этой подсистемы в качестве постоянного базиса – менее эффективно, чем в нашем случае.

Можно считать относительное первенство природно-производственной основы и ее относительно преобладающее воздействие на остальные сферы в рамках социологии истории достаточно частым. Но часто не значит всегда!³³² Поэтому исключительно важно определить, когда это будет правильным, а когда – нет.

Непредвзятое исследование показало бы нам, что более заметным влияние базиса будет: 1) в примитивных обществах, где все институты подстраиваются под природу, а сама надстройка еще очень проста. Так, роль природно-производственной основы будет заметно выше у ручных земледельцев, чем в сельскохозяйственных цивилизациях, где между нижней и верхней частями общественной пирамиды создано уже несколько промежуточных этажей; 2) в крупных, сильно интегрированных (особенно современных развитых), если возможности таких тесных связей лежат прежде всего в технических средствах и экономической взаимозависимости частей общества: транспорте, торговле и пр.

Таким образом, наиболее заметным влияние базиса будет в примитивных и развитых обществах, причем в первом случае важнее роль природы, во втором – производительных сил. Для простых обществ влияние базиса тем сильнее, чем труднее им выйти за пределы, определенные этой основой, или если ее давление не дает коллективам чувства относительной уверенности. Так, скудная местность держит людей под страхом недоедания и голода, а в результате все их действия определяются вопросом добывания пищи. Но еще более сильным оказывается влияние базиса, когда он быстро и решительно меняется. Роль географической среды, долгое время бывшей стабильной, в случае ее прямого (под влиянием природных

³³² «Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве доминанты, т. е. могут играть господствующую роль» (Гобзов И. А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 48. См. также приведенные Гобзовым интересные рассуждения Л. Альтюссера по этому поводу. Там же. С. 48).

катаклизмов) или косвенного (переселение) изменения резко возрастает. Ведь общество теперь должно вновь приспособляться к ней. Если же базис меняется постоянно, как в современных государствах в связи с развитием техники и технологии, то общество также должно постоянно трансформировать свои институты, либо нарастают кризисные явления. Это, к сожалению, далеко не во всем хорошо. Ведь усовершенствование техники и рост науки требуют адекватных изменений в сферах, которые по своей природе не приспособлены к ним (например, мораль, традиции и пр.). Поэтому слишком большие новации в базисе подрывают стабильность общества и должны быть упорядочены и ограничены. Причины множества разнородных кризисных явлений коренятся в том числе и в этом. Следовательно, вопрос о базисе имеет отнюдь не только академическое значение. Мало того, слишком быстрые перемены в одной (производственной) части базиса приводят к неконтролируемым изменениям и в другой (природной). Между тем и психофизическая природа человека, и само направление развития научно-технического прогресса предполагают стабильность в главных моментах природной основы. Тем, стало быть, опаснее ее быстрая (не говоря о катастрофической) деформация для всей общественной жизни.

Итак, можно сформулировать закон: **чем жестче определяет базис пределы возможностей общества или чем быстрее и радикальнее меняются базисные условия, тем сильнее и заметнее влияние базиса на надстройку и его роль в общественной системе.**

Сильное влияние природно-производственной основы несомненно для любого общества (что и дает основание выделять ее как постоянный базис). Попробуйте понять Египет без Нила, его разливов, без колоссального плодородия земли, естественных и почти непроницаемых границ и т. п.! Попробуйте понять историю Англии вне ее островного положения! Однако из выведенного закона следует, что **чем стабильнее базис и чем больше он позволяет получать благ, тем ровнее и на определенных временных отрезках или в определенных ситуациях незаметнее его влияние.** Стабильность

эта – либо дар природы, либо достигается системами страховых и амортизационных механизмов (запасы, возможность что-то купить в другом государстве, взаимопомощь), наличием природных и производственных резервов и т. п.

Но чем стабильнее базис и чем больше у общества возможностей, тем **большую роль начинают играть другие элементы, которые в этом случае можно рассматривать как новый базис**. Причем их влияние на всю систему в ряде случаев и периодов становится больше, чем у природно-производственной основы.

Возникает вопрос: как же совместить одновременную базисность разных элементов? Для этого удобно признать природно-производственную основу **базисом первой степени** (далее я буду обозначать его как базис₁), а другие элементы и сферы, претендующие на такую роль, в зависимости от их важности и распространенности – базисами второй, третьей и т. п. степени (соответственно базис_{2,3} и т. д.). Степеней можно выделять столько, сколько требуется. Ведь (с необходимыми поправками) введенные законы характерны для базиса любой степени, а сам процесс выделения базисов видится бесконечным. В конце концов мы доходим до роли личностей, борьбы дворцовых партий, случайностей и т. п., т. е. тех конкретных причин, которые исследуются историками³³³. Ситуация напоминает ту, которую мы видели в параграфе о движущих силах. **Но чем выше степень базиса, тем более преходяща и ограничена его роль в плане длительности и масштаба (количества обществ, периодов и пр.) влияния.**

Таким образом, мы отказываемся от идеи всегда определяющего элемента, а выводим лишь относительно главный для социологии истории – базис₁. В отношении методологии выделения базисов второй и последующих степеней существует несколько подходов. Их можно всегда представлять переменными. Например, для всех цивилизаций сохраняется влияние базиса₁. Но для одних (индийской, майянской) базисом₂ можно взять религию плюс ею обусловленную куль-

³³³ Конечно, историку нет нужды говорить о базисе, когда можно сказать о причине. Но полезно помнить, что принцип базисности может быть проведен до эпизода.

туру и связанные с ними отношения. Для других (китайской) – государство и государственную идеологию, для третьих (римской) – политику (войну) и право и т. д. Причем мы видим, что временами в этих обществах наблюдается как усиление роли такого базиса₂ (например, увеличение влияния государства или религии), так и ослабление. В последнем случае на главное место выходит уже базис₃ (допустим, роль завоевателей как нового правящего класса). Но могут быть и иные подходы, причем иерархия базисов по значению в разных системах отсчета не всегда совпадает. В данном разделе нет возможности подробно говорить об этих процедурах. Остановлюсь лишь на одном примере.

На мой взгляд, достаточно удобным будет после определения базиса₁ для всей социологии истории избирать наиболее важные базисы каждой формации. Например, для второй формации это можно сделать так. Стабильность базиса₁ есть относительная независимость от природы и устойчивое получение избыточной продукции. При такой ситуации важнейшее значение получает военно-политическая стабильность, т. е. безопасность от внешних нашествий и механизмы, помогающие избегать разрушительной борьбы за власть. Следовательно, на первое место выходит **военно-политическая система общества** (базис₂)³³⁴.

При достижении военно-политической стабильности на первое место выходит проблема социально-духовной стабильности и, следовательно, социально-религиозная (идеологическая) система цивилизационного типа (базис₃). Несомненно, что цивилизации возникли лишь там, где удалось минимизировать зависимость от колебаний природы и внешней угрозы, а также создать стабильную политическую систему. Конечно, когда основы цивилизации уже созданы, даже сильные потря-

³³⁴ Она может включать в себя также и часть социально-духовных и распределительных отношений, связанных с существованием особого сословия – воинов. В каждом обществе в этой палитре отношений главными могли быть различные моменты. Так, в Киевской Руси многие наши историки отмечали важнейшую роль так называемого родового строя, т. е. системы передачи власти не по прямой линии от отца к сыну, а старшему родственнику после умершего. В результате князья постоянно меняли княжества, существовали бесконечные поводы для распрей, в которые привлекали половцев и т. д.

сения не всегда способны ее уничтожить. Однако несомненно, что как для расцвета, так и для возрождения цивилизации нужна достаточная стабильность.

Таким образом, мы видим, что наш алгоритм требует серьезной коррекции и вариантности в каждом случае. В общих же чертах он заключается, как уже понятно, в том, что мы последовательно сужаем пространственно-временной объем и конкретизируем причинно-следственные связи, пока не дойдем до нужного нашей задаче масштаба и уровня. Для этого мысленно строим ряд систем координат, каждая из которых представляет какую-то часть или частный случай предыдущей (принцип «матрешки»), примерно так, как это только что показано на примере второй формации и цивилизаций. Мы отталкиваемся от введенного нами постоянного базиса₁. Но если нужно, то и базисы следующих степеней представляем как постоянные в отведенных им рамках. Иными словами, строим иерархию базисов по важности до тех пор, пока не увидим, что уже в состоянии решить проблему³³⁵.

Нужно понимать, что найденный нами базис предстает широким, только если мы говорим о большом объеме. Но в конкретном обществе он принимает и конкретный вид, т. е. важнейшим может оказаться лишь один из его элементов (как это мы только что видели для военно-политической сферы – см. сноску 334). Нельзя не принимать во внимание и разнонаправленность процессов. Так, согласно выведенному выше закону, усложнение общества ведет к определенной его независимости от природной основы. И мы действительно видим, как различные удобства отгородили, например, жизнь горожанина от влияния природы. Но, с другой стороны, эта «независимость» приводит к зависимости от стабильности географической среды. А она, как сказано, поставлена под угрозу измене-

³³⁵ Можно привести более наглядный пример. Если нас интересует какая-то проблема, связанная с климатом определенной местности, мы сначала должны определить ее географическую широту, которая есть первая и коренная причина различий в климате. Но затем мы берем во внимание еще множество причин: географическую долготу, близость к морю, теплые или холодные течения, направления ветров, рельеф и т. д., пока не подойдем к тем факторам, которые для данной задачи можно считать конечными. Очевидно, что чем стабильнее будут крупные факторы, тем легче, осознав их, затем от них абстрагироваться.

нием техники и пр. При необходимости нужно также соотносить внутренние и внешние факторы. Таким образом, указанный метод выделения базиса тесно связан с рядом других (движущих сил, причинно-следственного анализа, взаимодействия общества и среды и пр.) и сближает цивилизационный и формационный подходы.

Предложенная здесь методология не является слишком уж сложной³³⁶. Фактически нередко именно так и поступают, только не осмысливая свои приемы и больше рискуя ошибиться. Но, разумеется, такие методы при применении к конкретным случаям потребуют достаточных усилий. Ибо даже в тех науках, где методики устоялись, делать такие операции непросто³³⁷.

В этом и в следующем параграфе нас больше интересует природно-производственная основа в узком смысле слова, т. е. система части осоциализированной географической среды и производительных сил. Но стоит тщательнее проанализировать вопрос, что же дает такое объединение науке? Сделаем сначала маленький исторический экскурс.

«После того как наука разрушила детскую веру в существование благого провидения, после того как она уничтожила наивную веру в благожелательную природу, которая оберегает нас в нашей жизни»³³⁸, а также по мере того, как ослабевала вера в то, что история есть результат деятельности великих личностей, обращение к географической среде как к важнейшей причине исторического многообразия (начавшееся еще с

³³⁶ Но даже если кому-то она кажется такой, стоит помнить, что нередко поиски «простого» пути ведут к натяжкам и искажениям. По этому поводу известный экономист замечает: «Один из самых действительно злостных и живучих предрассудков получил меткое название «презумпция простоты». Раскрывая суть этого предрассудка, Л. Науменко пишет: «Никому не приходит в голову ждать простоты от теории относительности, квантовой механики или молекулярной генетики. Но почему-то принято, что в обществоведении «экономия мышления» не только возможна, но и желательна» (Афанасьев В. Н. Диалектика собственности: логика экономической формы. Л., 1991. С. 8).

³³⁷ Чтобы открыть планету Нептун, когда Уран считался последней, седьмой планетой Солнечной системы, ученому У. Леверрье, помимо таланта и интуиции, потребовалось несколько месяцев упорнейших расчетов. А ведь методики использования закона всемирного тяготения отработывались к тому времени уже два века.

³³⁸ Реклю Э. Предисловие к кн.: Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 221.

Монтескье, продолженное Ж. Мишле, Т. Боклем, Л. Мечниковым и мн. др.), явилось вполне закономерным. В результате было выяснено, что природа сильно, а то и фатально влияет на политическое и военное устройство обществ; изолированность или выгодность географического положения может затруднять или поощрять войну, торговлю, иные контакты, колоссально замедлять или ускорять развитие; природная среда влияет на производство, формы собственности, религию и т. д. Естественно, что появились и крайние взгляды, когда ученые, подобно Виктору Кузену, считали, что, поняв физическую географию страны, ее флору и фауну, можно «наперед сказать, каков человек этой страны, какую роль эта страна будет играть в истории, и не случайно, а в силу необходимости, и не в одну эпоху, но во все эпохи»³³⁹. Но были и вполне трезвомыслящие ученые, искавшие оптимальные пределы влияния географической среды. К их числу надо отнести Л. Мечникова, одного из первых, кто пытался объединить в единую концепцию географический и производственный факторы.

Географический детерминизм как выводящая все из одной причины теория давно подвергнут критике и отвергнут. Действительно, он был не в состоянии объяснить ни того факта, что по мере приближения к современности роль природы слабеет, а производства – росла (на это один из первых обратил внимание К. Маркс), ни того, что имелись огромные различия между обществами, находящимися в сходных условиях. Непонятны были и причины то возвышения, то деградации народа, продолжавшего жить в тех же самых местах без коренных изменений в окружающей среде. И т. д.

Но все сказанное не может опровергнуть факта значительного, а часто и определяющего влияния природы на многие общества, что продолжает быть питательной почвой для возрождения модернизированных теорий географического детерминизма.

Итак, с появлением индустриальных и тем более научно-информационных производительных сил, с ростом техноспе-

³³⁹ Цит. по: История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М., 1979. С. 59.

ры, с уменьшением влияния природы на образ жизни значение географической среды как базиса ослабевает, хотя, конечно, не исчезает, а влияние производительных сил в этом плане растёт, поскольку они как бы оттягивают на себя формообразующую роль географической среды в отношении воздействия на другие сферы общества.

Таким образом, ни географическая среда, ни производительные силы в отдельности не могут быть признаны базисом¹ для всей социологии истории. Поэтому, с учетом их теснейшего единства и взаимозависимости, исходя из динамики изменения роли природы и производства **для сквозной теории, охватывающей все исторические общества, объединение производительных сил и географической среды в логико-методологическом плане становится необходимым.** К тому же не только удобно, но и фактически правильно говорить о том, что производство и часть географической среды интегрируются, становясь единым базисом общества³⁴⁰.

Последняя мысль увидится еще более верной, если вспомнить, что исторический материализм, преуменьшая роль природы, в то же время так описывал структуру производительных сил, что в них фактически входила и часть географической среды в виде предмета труда (земли, полезных ископаемых и т. д.). К сожалению, никаких логических выводов о том, что, следовательно, часть природы органически должна включаться в структуру производительных сил и через них в общество, не делалось. Мало того, даже вхождение в состав производительных сил предмета труда принималось далеко не всеми. По этому поводу существуют три наиболее распространенные точки зрения. Первая связана с включением предмета труда в структуру производительных сил. Она была особенно распространена в 20–30-е годы, а затем после перерыва возродилась в 50–60-е годы и продолжает быть одной из ведущих и по сегодня. Сторонники другого взгляда полагают, что предмет труда следует исключить из состава производительных сил. Это мнение было достаточно типичным в конце 30-х – начале 50-х го-

³⁴⁰ Тем более, если мы вспомним, что в производительные силы включаются и люди, а теснейшая связь демографических и географических явлений давно доказана.

дов, но вновь усилилось в 60-е и особенно в 70-е годы. Число его приверженцев также весьма велико. Третья точка зрения заключается в том, что частичное включение предмета труда в производительные силы все же возможно³⁴¹.

С позиции ортодоксального истмата, который видел главные движущие силы истории имманентными обществу, полагаю, что ученые, сужающие состав производительных сил, более правы. Но в плане соответствия фактам, а равно и плодотворности такого подхода их взгляды не выдерживают никакой критики. Бесспорно, можно комбинировать состав производительных сил по-разному в зависимости от поставленной задачи и объема материала. Но занижать (а то и игнорировать) факт во многом определяющего воздействия географической среды на характер производства и жизни, которое признавали и некоторые видные марксисты, – антинаучно. Было бы соблазнительно привести ряд примеров такого влияния природы, но это увело бы нас в сторону. Впрочем, любой человек, открывший любую серьезную книгу, так или иначе затрагивающую эту проблему (тех же Мечникова, Спенсера, Тойнби, этнографов, историков, в том числе русских – Соловьева, Ключевского и др.), найдет подтверждения того, что «чем дальше мы углубляемся в глубь веков, тем важнее учет географического фактора»³⁴².

Я бы выделил из многих три главных аргумента сторонников сужения состава производительных сил. Первый заключается в том, что техника – элемент более подвижный и отражает активное отношение человека к природе. Эта в целом верная философская посылка не отменяет вышесказанного: решающей или очень важной роли природных моментов в доиндустриальном производстве. А ведь нам сейчас важнее не активность или пассивность, которые, кстати говоря, не были постоянными и одновременными в истории, а сила влияния факторов и степень их интеграции. Впрочем, эти же ученые сами себя опровергают, признавая, что земледельческие ору-

³⁴¹ См.: Социализм: диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1975. С. 40-41. См. там же литературу по каждой точке зрения.

³⁴² Слова Б. А. Рыбакова. Цит. по: Подольный Р. Дети земли. М., 1977. С. 122.

дия труда «именно в силу своего характера и уровня развития не имели еще столь самостоятельного значения», а главную роль играл предмет труда – земля³⁴³. Объясняют это противоречие они нелогично: «...признание определяющей роли именно земельной собственности во всех докапиталистических формациях вовсе не противоречит тезису о значении орудий труда в определении способа отношения общества к природе. Просто это положение надо применять дифференцированно, с учетом специфики данного уровня развития производительных сил»³⁴⁴. А ведь как раз «специфика данного уровня производительных сил» и заключается в том, что в них важнейшая роль принадлежит не технике, а природе.

Другой более серьезный аргумент связан с уменьшением влияния природы и ростом значения производства. Но это лишь оттеняет факт огромной зависимости и неразрывной связи доиндустриального производства с природными факторами, становящимися частью производства. Это неоднократно признавал и сам Маркс, писавший, что «силы природы наряду с другими видами производительных сил принимают вид производительных сил»³⁴⁵.

Наконец, третий аргумент связан с боязнью разрушения истматовской теории. Так, например, Ю. К. Плетников утверждал, что «известны примеры, когда в прошлом безоговорочное включение средств производства в производительные силы создавало почву для уступки некоторых принципиальных позиций материалистического понимания истории концепции «географического детерминизма». Такую уступку допускал в ряде случаев Плеханов... Проблема включения или не включения предмета труда в производительные силы имеет, таким образом, серьезный мировоззренческий аспект, о котором нельзя забывать, продолжая дискуссию»³⁴⁶. Конечно, сегодня такой аргумент мало кто поддержит открыто, но подобная по-

³⁴³ Келле В.-Ж. Послесловие к кн.: Текеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975. С. 266.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 298.

³⁴⁶ Плетников Ю. К. Послесловие к кн.: Эйххорн В., Бауэр А., Кох Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1977. С. 212.

зиция все еще продолжает оставаться глубинной гносеологической и методологической основой мышления многих.

Несмотря на расхождение взглядов по вопросу о месте предмета труда, большинство философов в целом едины по поводу роли географической среды в истории. Это внешняя среда, влияние которой хотя и велико, но не определяюще³⁴⁷. Но в нашей науке есть и иные взгляды, хотя и малораспространенные. Ряд философов и теоретизирующих историков высказывают мысли, которые можно интерпретировать как включение части географической среды в состав производительных сил. И в результате она через производство «превращается в фактор внутреннего содержания общественной жизни»³⁴⁸. Другие прямо заявляют, что «многие элементы внешней природы, вовлеченные в общественное производство, непосредственно вошли в материальное содержание общества – в его производительные силы»³⁴⁹. Л. В. Данилова настаивает на том, что различие в структуре производительных сил естественно возникших и исторически приобретенных факторов имеет очень важное значение, в т. ч. при выяснении различий в формах взаимодействия общества и природы в индустриальных и доиндустриальных обществах, поскольку в последних господствовала натуральная система производительных сил³⁵⁰. Бесспорно, такой подход гораздо предпочтительнее. Но, к сожалению, в основе своей это разрозненные, не приведенные в систему и неоднозначно толкуе-

³⁴⁷ Следующие строки достаточно характерны для истматовского подхода к влиянию географической среды, фактически отрицающего ее формообразующее, порой жестко определяющее влияние на общество и его строй. «Исторический материализм признает большое значение географической среды для исторического развития... Однако исторический материализм считает географическую среду одним из условий исторического развития, но не его причиной, и показывает, что географическая среда влияет на характер общества не непосредственно, а опосредованно, через способ производства материальных благ, который и определяет характер того или иного общественного строя» (Советская историческая энциклопедия. Т.4. С. 220).

³⁴⁸ Ким М. П., Данилова Л. В. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 13.

³⁴⁹ Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982. С. 325.

³⁵⁰ Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. С. 119.

См. также ее выступление в дискуссии «Философия и историческая наука» // Вопросы философии. 1988. № 10.

мые мысли. К тому же не ставятся вопросы ни о базисности такой системы (в противовес признанию базисом производственных отношений), ни о том, чтобы найти единую концептуальную основу для до- и индустриальных периодов. А без этого данные идеи остаются вне общей теории.

Таким образом, приведенный анализ точек зрения показывает, что поставленная в этом параграфе проблема имеет действительно важное теоретическое значение как в рамках анализа общественных организмов, т. е. социологии истории, так и в качестве основания теории исторического процесса. Суммируем, что же дает такое объединение в единую систему производительных сил и части географической среды. Во-первых, появляется основа для структурирования природы в зависимости от степени социализации разных ее частей (о чем в следующем параграфе). Кроме того, степень интегрированности природы показывает нам уровень развития общества.

Во-вторых, такая постановка вопроса во многом снимает серьезное методологическое противоречие, связанное с тем, что в одних случаях именно географическая среда выполняет роль базиса первой степени, а в других – производство. Причем нередко их разделение весьма затруднено, поэтому целесообразнее и эффективнее представить часть географической среды природной частью производительных сил.

В-третьих, указанный подход можно обобщить и в следующем социологическом законе. **Будучи всегда важной, роль географической среды тем больше, чем большее место она занимает в составе производительных сил. Аналогично и для других сфер: ее роль тем больше, чем большее место она занимает в составе этой сферы.**

С другой стороны, можно сказать и так: **чем слабее общественные производительные силы, тем больше роль географической среды.** А поскольку в общем плане производство тем слабее, чем древнее, постольку и роль географической среды тем больше, чем древнее период. И соответственно, чем скуднее природа, тем более развита должна быть технико-технологическая часть производительных сил, чтобы компенсировать эту скудость.

В-четвертых, более широкая система производства легче объясняет факт того, что и в разных формациях, и в пределах любой из них в конкретных обществах роль различных структурных элементов производства будет неодинаковой. В зависимости от природных, исторических и иных причин центральным звеном базиса₁ может быть географическая среда, техника, технология; входящие частично в производственную организацию общества (о которой в следующем параграфе) отношения собственности или органы государства, ведающие хозяйством, либо другие составляющие производительных сил. Таким образом, главная роль во всей структуре базиса₁ в разных обществах и периодах может переходить от элемента к элементу: от выгодного географического положения до форм собственности, причем в зависимости от исторической реальности и конкретности задачи и каждый из этих компонентов может дробиться³⁵¹. Важно, что слабость одного элемента может компенсироваться силой другого. Так, недостаток людей устраняется мощностью техники или удачной производственной организацией. И наоборот, отсутствие техники нередко компенсировали использованием принудительного физического труда. И т. д. Такая постановка вопроса позволяет не противопоставлять (и не отбрасывать) целый ряд теорий (включая и истматовскую о производственных отношениях как базисе), а надеяться интегрировать их, а также связать в целое разные взгляды на базис₁ как в рамках всей социологии истории, так и в пределах конкретного общества. Несомненно, что налицо большое разнообразие этого базиса как во времени, так и в пространстве³⁵². Таким образом, **идея единого базиса превращается в принцип, объединяющий много вариантов.**

³⁵¹ Например, природные производительные силы. Для охотников, понятно, ценнее всего было изобилие дичи, для земледельцев – плодородие почвы, для скотоводов – травяной покров и т. п. Общество торговцев или воинов прежде всего нуждалось в хороших коммуникациях или наличии железной (медной и т. п.) руды. Отметим, что без различий в географической среде вообще не могло бы возникнуть торговли.

³⁵² «Двигателем общественного прогресса попеременно являются разные элементы производительных сил. Они становятся на время в функциональном отношении первичными по отношению к другим элементам производительных сил. Революционизирующее воздействие может оказываться как непосредственно, так и опосредованно через общее развитие производительных сил в целом.

Есть и еще один момент, позволяющий лучше понять жизнь прежних обществ. Фернан Бродель утверждает: «Стремящаяся к тотальному описанию, к глобальному охвату история может оказаться возможной, если в область изучения экономики прошлого мы сумеем внести современные методы, учитывающие совместимость национальных экономик и строящие некоторую макроэкономику»³⁵³. И это будет тем более верно, если мы сумеем учесть особенности сравнения экономик в рамках социологии истории. Ведь под влиянием огромных современных успехов мы склонны преуменьшать объемы экономик прошлого. И важнейшая причина этого в том, что в суммарную их мощь не включаются природные процессы и силы. Между тем можно смело утверждать, что в ряде обществ прошлого объем валового продукта «на душу населения» был весьма велик и возможно даже выше, чем во многих среднеразвитых странах, если считать и «работу» природы. Например, сколько миллионов тонн удобрений заменял египтянам ил великого Нила? Ведь чтобы собирать такие урожаи сегодня в Европе, нужны колоссальные затраты. А кто считал «лошадиные силы» индийских слонов или «миллионы тонн топлива», которые экономил ветер в парусах и на мельницах? Сегодня в океане вылавливается много миллионов тонн рыбы. Сколько энергии и затрат потребуется будущему человечеству, чтобы выращивать это количество рыбы искусственно? Говорят, что в американских степях еще в прошлом веке водились десятки миллионов бизонов. Много ли государств могут похвастать таким поголовьем мясного скота? У некоторых племен индейцев Аляски каждая семья заготавливала на зиму до тысячи лососевых рыб (переведите на со-

Иерархия разных элементов производительных сил может быть в данный период различна для разных сфер производства. В одной из сфер функция ускорения может принадлежать орудиям труда, в другой – трудовым навыкам человека и т. п. Развитие производительных сил, рассматриваемое с точки зрения различных сфер общественного производства, – процесс далеко не равномерный не только от эпохи к эпохе, но и в рамках одного и того же времени. Общее же ускорение развития зависит от того, какой элемент в какой сфере производства играет роль катализатора» (М. А. Барг, Е. Б. Черняк / Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 80).

³⁵³ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск., 1993. С. 23.

временные цены!). Таким образом, огромное различие в структуре и развитости производительных сил не должно затемнять производительность хозяйства, поскольку чем больше численность населения и чем сильнее истощена природа, тем больше приходится «работать» за нее. И в этом плане соотношение объемов производства между нынешними и прежними обществами будет выглядеть по-иному. Любое же искажение пропорций как в одну, так и в другую сторону лишает нас правильной перспективы и, говоря словами Шпенглера, «ограничивает объем истории, но гораздо хуже то, что это сужает ее арену»³⁵⁴. Если это осознать, то и базис древних обществ предстанет более мощным и само выделение природно-производственной основы как базиса более обоснованным.

Проиллюстрирую важность включения природных явлений в состав производительных сил еще одним примером. Воспользуемся таблицей сравнения ВВП, составленной П. Бэрком³⁵⁵.

Развитые страны, исключая Японию			Азия, исключая Китай	
Год	ВВП на душу населения (дол. США)*	Уровень урбанизации (%)**	ВВП на душу населения (дол. США)	Уровень урбанизации (%)
1800	200	10	180	10

* В ценах 1960 г.

** Города с населением 5 тыс. человек и более.

На первый взгляд, цифры парадоксальные. На пороге XIX века страны Европы, уже давно вступившие в капитализм, превратившие в колонии огромные территории, по столь важным показателям находились практически на уровне отставшего от них и ставшего объектом колониализма Востока. А в Китае показатель ВВП на душу населения даже выше: 210 дол.³⁵⁶. Но если вдуматься, то ничего удивительного здесь

³⁵⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 145.

³⁵⁵ Таблица взята из ст. А. М. Петрова «Новые задачи старинной науки и некоторые материалы к изучению экономической истории Востока» (Народы Азии и Африки. 1989. № 2. С. 75).

³⁵⁶ См. там же.

нет. И в Азии, и в Европе (может быть, за исключением Англии и Голландии) основной валовой продукт создавался в сельском хозяйстве. А плодородие земли и соответственно урожайность в целом в Азии была во много раз больше, чем в Европе, благодаря чему, собственно, там и могли тысячелетиями существовать столь многонаселенные страны. Тот факт, что несмотря на такую разницу в географической среде Европа уже опережает Азию, говорит как раз о ее более высоком техническом, технологическом и организационном развитии. Учитывая высокое плодородие почвы и огромную численность населения на Востоке, вполне естественно, что там было много крупных городов, связанных как с роскошью правителей, так и с довольно развитыми ремеслами и торговлей (достаточно вспомнить хотя бы мощный экспорт индийских хлопчатых тканей).

Приведенные цифры также очень хорошо показывают, что увлекаться применением современных экономических (формальных) методов сравнения и подсчета без их корректировки в плане специфики социологии истории и истории весьма опасно: слишком большие различия в структуре производства, щедрости природы, в ценах и мн. другом существовали в разных странах и эпохах.

Осознание важности материальных факторов истории, начавшееся в зарубежной науке в 40–50-х годах, в 70–80-х привело к мощному росту соответствующих исследований в разных направлениях, создавших фактическую базу для теоретических выводов. При этом размах исследований особенно поражает на фоне слабой разработки аналогичных вопросов в нашей науке³⁵⁷. Однако фактическая база нуждается в теоретических моделях и методологии анализа и обобщения фактов. Иначе их просто не удастся правильно интерпретировать. Поэтому, учитывая важность поднятых в данном параграфе вопросов, мы продолжим их исследование в следующем параграфе, где рассмотрим систему «географическая среда – производительные силы» подробнее.

³⁵⁷ См. там же. С. 66.

§ 3. Структурно-функциональный анализ природно-производственной основы общества (географическая среда – производительные силы)

Географическая среда всегда включала в себя и космические элементы. Причем роль последних в настоящее время растет. Однако сохранение этого привычного термина³⁵⁸, думается, вполне целесообразно. В качестве синонимов ему я буду также использовать выражения «природная среда» и «природа». Данное понятие объединяет в себе множество факторов и параметров: географические координаты, рельеф и климат, количество тепла, света, осадков, направления ветров, почву, флору и фауну и целый ряд других. Влияние многих из них подробно анализировали уже ученые прошлого. Соответственно представлять структуру этой среды можно по-разному. Так, например, Сорокин все подобные факторы делил на космические, т. е. неживую природу, и биологические (флору и фауну). Это вполне правомерный подход. Но в данном исследовании он нецелесообразен, поскольку мы говорим о единой системе.

В этом параграфе пойдет речь о географической среде, тесно связанной с обществом. Она, как уже сказано, носит двойственный характер: и природный, и в большей или меньшей мере социальный. Поэтому ее структура и будет рассмотрена именно в таком аспекте: степени социализации и окультуривания разных ее моментов.

Географическую среду в этом плане можно представить как комплекс самых разных природных условий, которые, с одной стороны, оказывают существенное влияние на жизнь данной общественной системы и ее членов, а с другой – на которую эта система сама оказывает влияние.

В плане использования географической среды в хозяйственном обороте ее можно разделить на три большие части: включенная в той или иной мере в оборот (**окультуренная**); еще не используемая, но пригодная для хозяйственных нужд при данном уровне развития (**резерв**); не включенная в оборот и непригодная для этого при наличных возможностях (**не-**

³⁵⁸ Считается, что понятие «географическая среда» ввели Л. Мечников и Э. Реклю.

окультуренная). Границы между окультуренной и неокulturенной частями кое в чем условны. Ведь ряд объектов окультуренной природы, которая включает в себя помимо предмета труда источники энергии, пути сообщения и пр., выполняет одновременно и другие роли (одни и те же дороги могут быть как торговыми, так и военно-стратегическими). Кроме того, многие элементы природы, не будучи вовлечены в производство, тем не менее связаны с другими сферами общества и играют подчас весьма важную роль или, по крайней мере, составляют существенную часть общественного сознания³⁵⁹. Назовем такую часть неокulturенной, но так или иначе интегрированной в общество природы – **осоциализированной**. Другая часть неокulturенной природы – **неосоциализированная** – почти не влияет на жизнь общества, либо такое влияние практически не осознано, либо им можно пренебречь, и т. д. По объему это основная (наибольшая) часть природы, ибо к ней можно отнести почти весь космос и огромные территории суши и океанов Земли (для многих эпох – большую часть Земли). Не таковы ли для нас сегодня глубины Земли?

Анализ возможностей общества, стимулов и преград в его развитии и ряда других проблем облегчит понятие **«резерв географической среды»**. Между ним и окультуренной частью лежит зона, которая используется в обороте нерегулярно. А сам резерв целесообразно делить на части в соответствии с выгодностью, легкостью или сложностью вовлечения в такой оборот.

В зависимости от объема, мобильности и удобства он способен в ряде случаев колоссально воздействовать на все функционирование социального организма и его развитие. Наличие большого (тем более необъятного) резерва способствует сохранению устоявшихся отношений и форм хозяйствования. Если способ производства молод, это благоприятствует его

³⁵⁹ А такое «включение» объектов в общественное сознание подчас ускоряет и социализацию. Можно напомнить, как в XVI в. римский папа проводил «границу» по глобусу земного шара, еще сплошь покрытому «белыми пятнами», между Испанией и Португалией. И это ускорило активность и других держав.

росту. Так, огромный запас земель в США позволил сформировать американский путь развития сельского хозяйства, что создало невиданную по широте базу для мощного подъема самой современной промышленности. Если же способ производства уже стал тормозом для прогресса, то наличие резерва позволяет правящим группам отставшей страны, не желающим ничего менять, задерживать ее развитие. Та же безграничность земли в Северной Америке подпитывала в южных штатах рабство, пока его не уничтожили силой. Такую же роль играло расширение фонда земель в России для сохранения дворянского крепостнического землевладения. Стремление любой ценой обеспечить функционирование устаревших производственных отношений может приводить к попыткам искусственно расширить указанный резерв: отсюда захваты колоний, экспансия и пр. Исчерпание резерва и невозможность его увеличить могут создать социальный кризис. Если общество закосневшее, такая ситуация способна загнать его в тупик, если гибкое – дать толчок к качественным сдвигам.

Окультуренная часть географической среды в свою очередь делится на части по степени интеграции в общество. Наиболее тесно связанная с производством и бытом начинает превращаться как бы в **искусственную географическую среду**, хотя и неразрывно связанную с естественной, но и сильно отличную от нее. Дороги, средства связи, транспортные и торговые узлы и т. п. (грубо говоря, те объекты, которые изучает экономическая география) – и есть искусственная географическая среда, в ряде случаев становящаяся просто **техносферой**, т. е. системой материальных объектов, в которых социального гораздо больше, чем природного.

Параметров освоенности данной среды можно выделить много. Прежде всего это пространственные характеристики. Площадь вовлеченной в оборот территории, умноженную на высоту и глубину проникновения в земные оболочки, можно представить как объем окультуренной географической среды, величина которого очень сильно растет от периода к периоду. Также отметим: глубину проникновения в вещество и мате-

рию в целом; способы преобразования природы; виды используемой энергии; номенклатуру используемых природных веществ и процессов и т. п.

В данном случае наша задача этого не требует. Но об одном показателе, на мой взгляд очень важном, стоит сказать. Это удлинение пути продукта от его природного (или начального) состояния до потребления, что можно назвать **технологическими цепочками**. Такое удлинение показывает и глубину переработки, и роль природной части производительных сил. Чем длиннее цепь, тем меньше значение последней. Этот процесс как закономерность был описан давно. Отмечалось, что необходимость прибегать к особым дополнительным методам возникает ради увеличения конечного продукта. В связи с вопросом о природе накопления в прошлом веке возникла теория «окольных методов», родоначальником которой принято считать М. Лонгфилда, а первое популярное изложение ее дал В. Рошер. Его пример с рыбаками, которые тратят время на то, чтобы сделать сети, но затем получают большее количество продукции, стал классическим. Развил теорию дальше Э. Бем-Баверк. По его мнению, вся история развития общественного производства есть история введения все новых окольных методов, удлиняющих путь от добычи первичного сырья до выпуска потребительных благ. Одновременно достигается и рост производительности труда.

Структура окультуренной части географической среды в свете нашей задачи лучше всего может быть представлена как специфическое отражение общей структуры производительных сил. Следовательно, сначала нужно охарактеризовать производственную подсистему целиком.

Задумаемся, какие вообще существуют способы описания и деления производительных сил. Их немало. И они зависят от особенностей анализируемого материала, поставленной задачи и склонностей ученого. Возможен географический принцип, незаменимый в ряде областей экономической истории, т. е. описание производства по экономическим районам. Нередко удобен отраслевой принцип. Для конкретных проблем – мел-

коотраслевой, а для масштабных – крупноотраслевой (промышленность – сельское хозяйство – транспорт – строительство и т. д.). В современной науке распространен способ, который можно назвать секторным. Выделяются четыре таких сектора: первичный, вторичный и т. д.³⁶⁰. Есть и другие.

Но хотя эти подходы в той или иной мере могут быть использованы в социологии истории, ведущими они здесь стать не в состоянии. Более подходят для этой роли идеи Маркса. Даже сам его термин «производительные силы» был большой удачей, поскольку позволил охватить огромное разнообразие типов хозяйств одной категорией. Некоторыми западными авторами (например, Ароном, Д. Беллом) это ставилось Марксу в заслугу.

Производительные силы в истинном смысле обычно делятся на средства производства и людей. Средства производства в свою очередь состоят из предметов труда и средств труда. А последние подразделяются на орудия труда и прочие средства труда³⁶¹.

Указанная структура в целом выглядит стройной и четкой. Действительно, почти любой производственный акт имеет две стороны: предмет и средство труда, а также посредника между ними – человека. Отсюда и определение производительных сил как «системы субъективных (человек) и вещественных

³⁶⁰ С вариациями у разных ученых, к первичному относятся сельское хозяйство и добывающая промышленность; ко вторичному – обрабатывающая; к третичному – сфера услуг; к четвертичному – наука и информатика. На этих принципах основан и ряд периодизаций истории. Еще с XVIII в. производственную деятельность подразделяли на охоту, пастушество, земледелие и торговлю (промышленность), на основании чего также возникло несколько периодизаций истории.

³⁶¹ Надо отметить, что деление средств труда на орудия труда и прочие средства труда остается формальным, и очень часто средства труда и орудия труда выступают однопорядковыми синонимами.

Хочу оговориться, что, не желая усложнять материал, я не останавливаюсь на идеях Маркса о том, что исторически производительные силы делятся на естественные, т.е. природные, общественные и всеобщие. Хотя об этом обязательно говорится в любом справочном издании, в теории способа производства эта концепция не нашла органического развития и остается «пятым колесом» в ней. Но в любом случае она не только не противоречит выводам, изложенным в данном параграфе, но, напротив, во многом подтверждает их: как в плане правомерности включения части географической среды в производительные силы, так и в системе уровней производительных сил.

(техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой»³⁶².

Но все же такой подход, вполне правомерный в ряде случаев, не полностью удовлетворителен в рамках социологии истории. Причина в том, что процесс производства представлен слишком политэкономично (абстрактный труд, атомизированный, по сути, производитель), а взаимоотношения человека и природы – чрезмерно антропологично.

Фактически же политэкономичность создает питательную почву для техницизма, поскольку орудиям труда, сводимым к технике, отведена в процессе труда центральная роль. Несомненно, что такая экстраполяция признаков индустриального общества на доиндустриальные ведет к искажениям, к занижению роли природных сил и выводу географической среды из системного анализа. С другой стороны, представление человека как атомизированного субъекта между предметом и средствами труда ведет к тому, что неадекватным выглядит влияние общественного разделения труда и способов производственного объединения людей на рост и направленность производства³⁶³. Я не хочу сказать, что марксизм не рассматривает и не анализирует эти моменты, но решения данных проблем недостаточно связаны с его структурой производительных сил, поскольку в них способ объединения людей в производстве фактически не стал самостоятельной структурной единицей.

Антропологическое рассмотрение производства как обмена веществ только между человеком и природой слишком узко и недостаточно в связи с тем, что все большую роль получают не природные, а социальные и чисто человеческие предметы труда³⁶⁴. Но главное, малопродуктивно представлять человека в составе производительных сил только как целостный компо-

³⁶² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 535.

³⁶³ К слову сказать, указанная атомарность производителя сказалась и в теории прибавочной стоимости, где вся прибавочная стоимость приписывается рабочему, а вклад разделения труда, руководителей производства, в целом общества практически игнорируется.

³⁶⁴ В терминологии Д. Белла: игра человека с природой сменяется игрой человека с искусственной средой (машинами), а затем игрой человека с человеком.

нент. Ибо по мере увеличения населения и усложнения производства растет разделение труда. В результате руководит хозяйством лишь небольшая часть людей, а остальные как бы «приписываются» к тем или иным элементам производительных сил, становясь «колесиками и винтиками» гигантского хозяйственного механизма (в т. ч. и «придатками машин», по выражению Маркса). Особенности этой иерархии людей крайне важны в социстическом анализе (о чем мы еще скажем).

Тем не менее указанные ограничения, с учетом того, что сама категория производительных сил не столь идеологизирована, как «производственные отношения», не являются неустраняемыми. Используя элементно-системный и некоторые другие методы, эти недостатки можно свести до приемлемого уровня, а данный подход органично включить в более широкую систему.

Опираясь на сказанное, думаю, что лучше всего при анализе структуры производительных сил в рамках социологии истории исходить из тех условий, которые обязательны для любого производства. Потребность в этих условиях создает или приводит в действие и структурные части производительных сил. Всевозможные же комбинации этих элементов дают огромное разнообразие типов хозяйств. Кроме того, становятся более ясными и функции этих компонентов, «ответственных» за должное обеспечение условий производства. Само собой, что в примитивных обществах такие структурные элементы неразвиты и синкретичны, а основная «работа» переложена на природу. В индустриальных же системах каждый элемент дифференцирован и может быть представлен гигантскими отраслями экономики.

Обязательными условиями для любого хозяйствования являются:

- наличие самих людей, включая их воспроизводство и обучение;
- наличие предмета труда;
- производство и (или) обладание средствами труда (включая само тело и мозг);

- наличие энергии для всего процесса;
- наличие коммуникаций (дорог, рек и пр.) и транспорта;
- получение, обработка и передача информации (включая и речь);
- возможность хранения сырья, продукции и пр.;
- производственное сознание (знания о производстве, позволяющие планировать и предвидеть);
- организация совместных действий людей (включая обмен, кооперацию и пр.). Я называю эту структуру «производственной организацией общества».

Итак, производительные силы состоят из: 1) предметов труда; 2) средств труда; 3) энергетических источников; 4) транспорта и коммуникаций; 5) хранилищ; 6) средств связи и информации; 7) людей; 8) производственного сознания (включая технологию и науку); 9) производственной организации общества (формы и способы объединения людей на производственных единицах и последних между собой в рамках общества).

Совершенно ясно, что, во-первых, деление это условное и во многих случаях нечеткое, во-вторых, в разных случаях одни и те же вещи и люди могут структурно выполнять разные роли, в-третьих, даже эта структура все еще остается достаточно примитивной. Но ее можно представлять от этапа к этапу все более сложной³⁶⁵. Ведь по мере развития каждый элемент стремится к тому, чтобы стать подсистемой, которая во многом копирует структуру более широкой системы. Так, например, энергетическая область включает в себя и добычу предмета труда (угля, нефти и пр.), и его переработку, и транспортировку, и в той или иной степени все остальные моменты. По мере дальнейшего роста от этих областей почкуются новые. Область, названная хранилищной, от использования естественных хранилищ переходит к их строительству, от которого отпочковываются все новые виды. А на современном

³⁶⁵ Кроме того, для разных периодов и обществ она может органически дополняться секторным или крупноотраслевым (а то и мелкоотраслевым), географическим и пр. анализом.

этапе, скажем, система воспроизводства людей выделяет такие крупные ныне области деятельности, как обучение, восстановление (медицина и пр.), развлечение людей и некоторые другие. Таким образом, не теряется единство социсторического анализа, но хорошо видны результаты и направления усложнения обществ.

Существует еще продукт труда, о котором будет сказано дальше.

Теперь можно вернуться к природным элементам производительных сил. К ним целесообразно отнести и биологические качества самих людей (это отмечал еще и Маркс). Очевиден факт существования природного предмета труда. Реже обращают внимание на иные их элементы, игравшие в первобытности и древности огромную роль: естественные хранилища (пещеры, ямы и т. д.), средства сообщения и транспорта. Особую роль играли реки и моря. Отметим средства информации (звуки, свет, запахи, следы животных и пр.). И конечно, энергетические источники (огонь, солнечное тепло, энергия ветра и т. п.). В производстве в той или иной степени задействованы и природные процессы: химические, энергетические и прочие, выполнявшие роль природных средств труда (копчение, вяление, заморозка продукции, полив и удобрение полей, отбеливание холстов и т. п.). Разумеется, в целом коэффициент использования природных ресурсов в прежние времена был мал или даже ничтожен. Но и это позволяло многим примитивным обществам вполне обеспечивать свои потребности³⁶⁶. Более наглядно структура природных производительных сил и всей природной основы общества видна на рис. 2 (на нем природные производительные силы обведены двойной чертой).

Описанные природные производительные силы составляют как бы «нижний этаж» всех производительных сил, или их природный уровень.

³⁶⁶ В развитие того, что говорилось в прошлом параграфе, читатель может посчитать, что если первобытный человек потреблял 1 кг мяса в день, то в пересчете на нынешние цены это составит более 700 долларов США в год на «душу населения», а если добавить «стоимость» других продуктов, шкур, топлива и пр., то это будет выше, чем средний доход на человека во многих развивающихся странах.

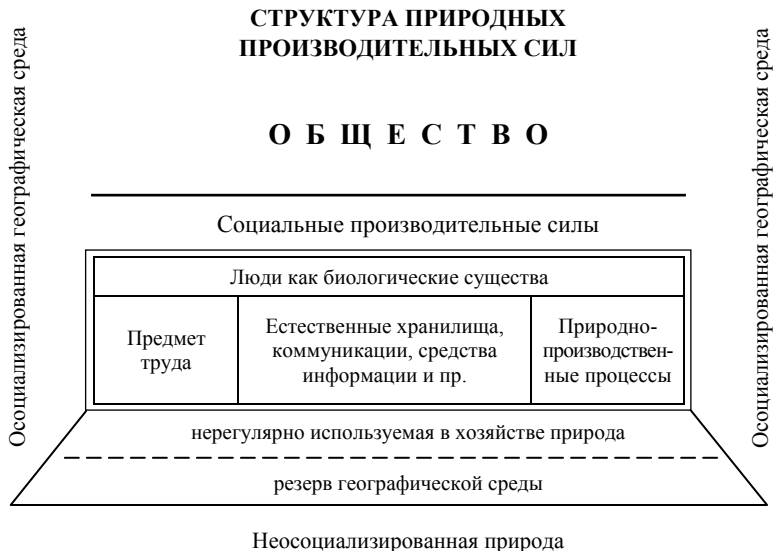

Рис. 2

Чтобы показать усложнение производительных сил, их можно представить в виде нарастающих уровней (это пример метода срезов усложнения, о котором шла речь в прошлом параграфе). А всю их совокупность – графически в виде перевернутой пирамиды (см. рис. 3). Разумеется, границы между уровнями нечетки, а их число могло бы быть иным, чем четыре. Но это количество вытекает из наличия четырех крупных этапов в производстве, границами между которыми служат производственные революции. Чем больше таких уровней, тем сильнее меняется роль природы³⁶⁷.

Итак, первый уровень – **природный**. С переходом к сельскому хозяйству, а затем к ремеслу и торговле, возникает **природно-социальный**. Он еще очень тесно связан с природой, но хозяйство дает столь большой излишек, что возникает примитивная промышленность, переработка сельскохозяйст-

³⁶⁷ В первобытности человек полностью приспосабливается к характеру окружающей среды. В индустриальную и современную эпохи уже, напротив, люди приспособливают природу к своему производству и образу жизни.

венного сырья, специализация и мн. др. Третий – **социально-технический**. Связи производителей крайне усложняются, и на первый план выходит техника. Наконец, четвертый, еще не развернувшийся полностью, но уже мощно заявивший о себе – **научно-информационный**, куда относится и то, что называют духовным производством.

УРОВНИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

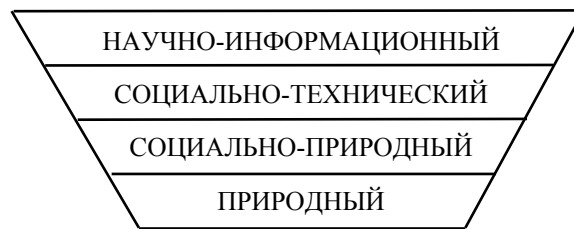

Рис. 3.

Исходя из сказанного, **производительные силы можно определить как особую подсистему общества, представляющую комплекс природных, технических, энергетических, информационных и иных факторов, а также человеческих (физических, интеллектуальных, социальных и т. п.) качеств, предназначенных прежде всего для создания благ.**

Но чем такое производство благ отличается от «производства» политики, законов, знаний и т. п.? Вопрос не только не праздный, но очень важный и сложный. Собственно, без него не понять, каковы границы производственной подсистемы. В поисках ответа нам весьма помогла бы категория «труд». Тем более, что в структуре производительных сил речь идет о предмете и средствах именно труда. Можно даже согласиться, что «своеобразной осью проблематики материально-производственной сферы является труд»³⁶⁸. Однако несмотря на обилие исследований по этой проблеме, до сих пор остается большой сложностью отграничить труд от другой деятельности. Попробуйте найти основания для различия тру-

³⁶⁸ Барулин В. С. Социальная философия. Ч. 1. С. 50.

да и квазитруда (т. е. бесполезной или вредной работы некоторых людей), общественной (бесплатной) деятельности, занятий политикой, хобби, воспитанием детей в семье, незаконной и преступной деятельности и т. д. и т. п. И если в любой паре труд – другая деятельность еще возможно подыскать различия, то специфического, по которому можно было бы отличить труд от любого другого занятия, – вряд ли. Тем более в масштабах социологии истории³⁶⁹.

Я не хочу сказать, что имею удовлетворительное решение данной проблемы, тем более, что в этой работе невозможно детально в нее углубиться. Однако высказать кое-какие соображения по этому поводу возможно. Совершенно очевидно, что понятие «труд» многозначно и употребляется в научном и политэкономическом, философском и юридическом, других смыслах. Но в рамках социологии истории, думается, важнее всего морально-историческое его значение, поскольку содержание этого слова меняется от эпохи к эпохе, от общества к обществу, а также по мере того, как какая-то деятельность становится массовой, начинает продаваться на рынке труда и т. д. Причем в общественном сознании любой эпохи труд есть то, что признается таковым. Труд в целом и его конкретные формы могут оцениваться как положительно, так и отрицательно, потому что у каждого общества свой социальный вектор. (В античности, например, как известно, полагали, что работа по найму унижает свободного человека). С указанной точки зрения **труд есть то, что считается таковым в данном обществе**. Деятельность же, сходная с ним, но не оцениваемая так общественным сознанием, трудом не будет.

³⁶⁹ Если мы полагаем, что «процесс труда ... есть целесообразная деятельность для создания потребительских стоимостей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 195), то чем это отличается от занятия по увлечению, где также создаются потребительские стоимости? А если труд – всеобщая возможность богатства (Там же. Т. 26. Ч. III. С. 185), то разве не помогает создавать богатства иная деятельность, например, семейное воспитание и пр., которую мы затруднимся отнести к труду. Я уже не говорю, что богатство создает также природа, а аккумулирует эксплуатация или грабеж.

Такой подход, не являясь слишком точным, все же частично способен помочь в решении крайне сложного вопроса о том, на основании каких критериев и как выделять производственную подсистему из всей социальной. А он есть, в свою очередь, часть важнейшей проблемы о принципах деления такой взаимосвязанной системы, как общество, на сферы, части и т. д. Принципы же эти ныне совершенно аморфны.

Когда возникла категория «производительные силы», собственно, речь шла о т. н. материальном производстве и природном предмете труда. Сегодня же, когда основное население ряда стран занято в сфере услуг и интеллектуальной деятельности, когда производство «духовных благ» сравнимо по объему с материальными, встаешь перед проблемой: а где, собственно, кончается производственная сфера? Не поглотила ли она все общество?

Мне кажется, что при исследовании конкретного общества, если мы будем исходить из смысла, который оно вкладывает в понятие труда, то хоть грубо границы производственной подсистемы можно будет обозначить. Более ясное представление о них и о месте производственной подсистемы в обществе в целом можно получить, если найти ответы на следующие (и некоторые другие) вопросы:

- Каковы основные цели производства и кто их определяет?
- Каковы средства, формы, направления и приоритеты их достижения?
- Какой излишек продуктов труда создается, и в какой степени он перераспределяется?
- Каковы направления, потоки и основные пропорции такого распределения?

На принципах решения некоторых из этих вопросов мы остановимся в данном и следующем параграфах.

В общем же плане алгоритм разделения системы на части связан с необходимостью разграничения функций. И тут-то и видны трудности: множество вещей (например, деньги), тем

более люди, отношения и институты неоднофункциональны, а многофункциональны. Следовательно, в этом случае их надо учитывать по главности. Так, при попытке, скажем, выделить производственную подсистему мы видим, что есть области деятельности, имеющие прежде всего производственное назначение (допустим, выращивание хлеба), а есть сочетающие в разных пропорциях ряд функций (так, торговля имеет и производственное, и распределительное назначение). В других – производственная функция чаще всего неглавная (внешняя политика, разведка), есть и области, где она почти не видна.

Таким образом, мы имеем определенный теоретический фундамент для разграничения производства и иных сфер в зависимости от того, выходят ли производственные задачи на первый, второй и т. п. план. И с учетом особенностей проблемы, эпохи и общества мы будем или нет включать ту или иную деятельность в эту подсистему. При этом ясно, что границы сфер меняются от формации к формации и от эпохи к эпохе. По мере же уравнивания разных видов деятельности и все большего равноправия людей перед законом, уменьшения ограничений на занятия, использования техники в новых областях и т. д. идет как бы диффузия производительных сил от первичных секторов (и уровней) ко вторичным, третичным и т. д., где производственные функции сплавляются с иными.

Кроме того, взаимоотношения между подсистемами зависят от характера обществ. Структура военных и мирных, с натуральным и товарным хозяйством, «священных» и «светских» (по терминологии Г. Беккера) и др. очень различна. Так, в обществах военных грабителей производственная сфера сужена, поскольку их «производство» ведется в других, терзаемых ими странах. А там, где нет военной угрозы, военно-политическая сфера намного меньше, чем в беспокойных местах.

Рассмотрим теперь структурные элементы производительных сил. Начнем с самой специфической – людей, которые объединяют и приводят в действие всю систему.

В маленьких обществах, со слабым разделением труда, с небольшим населением, люди, скорее, особый, цельный элемент производительных сил. В обществах более крупных, с разделением труда, работники, с одной стороны, выступают как единый момент производительных сил, а с другой – могут быть структурированы и по иным основаниям. Например, по месту в производственном процессе их целесообразно делить на руководителей разных рангов, исполнителей-специалистов, рядовых исполнителей и на тех, кто трудится самостоятельно (ремесленники, фермеры и пр.). Поскольку руководители либо формируют, либо осуществляют главные производственные цели, постольку с их точки зрения рядовые исполнители, которых большинство, лишь один из факторов производства, более или менее ценный в зависимости от ряда причин. Недаром же в античности все орудия труда делили на немые, мычащие и говорящие.

В литературе не раз заявлялось, что человек – главный элемент производительных сил. С точки зрения одушевленности, того, что интересы людей (правда, далеко не всех) и составляют цель производства и пр., это, бесспорно, верно. Но это внесоциальная и внеисторическая точка зрения. Если же подходить с позиции социологии истории и изменения важности роли отдельных элементов производительных сил в разных социальных и временных ситуациях, то это могло быть верным лишь в случаях совпадения редкости населения и мягкости строя (и скорее даже характерно для примитивных первобытных обществ). Чаще же людьми пренебрегали или даже жертвовали ради земли, техники и вообще осуществления производственной (или иной) цели в интересах определенных слоев. Достаточно вспомнить о рабстве в Новом свете, жестокостях ранней и социалистической индустриализации и пр.

Итак, какие функции выполняют люди в производстве? В некоторых работах отмечалось четыре: исполнительно-технологическая; транспортная; энергетическая; контрольно-

управленческая³⁷⁰. Несомненно, что можно выделить и другие, например, обучающую и рекреационную (восстанавливающую); информационную, научно-исследовательскую, распределительную и т. д.

В зависимости от выполняемых функций работники и «распределяются» в структуре производительных сил между предметом труда, транспортной, информационной подсистемами и т. д. Следовательно, нельзя не учитывать особую роль человека как фактора производства, но нельзя и игнорировать столь фундаментальные различия их ролей, без анализа которых невозможно правильно понять и объяснить множество вещей³⁷¹. Не говоря уже о том, что в производстве участвуют не все люди, а в распределении произведенного – все. Люди могут быть также и продуктом труда. И это не только раб или крепостной, специально обученные для продажи, но и специалист, за которого вуз получает плату.

По мере развития общества и производства появлялись или раскрывались новые качества людей, а также и новые свойства человеческих трудовых коллективов, комбинаций человеческого и иных факторов и т. д., бывших лишь в потенции. Вместе со всей системой производительных сил их тоже можно «распределить» по четырем уровням.

В настоящее время, как уже сказано, быстрый темп развития техники, технологии, науки и пр. начинает превышать адаптационные возможности людей, в результате чего возрастает опасность их неадекватных действий, что делает неустойчивой всю общественную систему.

Мы уже упоминали о **продукте труда**. Это один из тех элементов, которые можно назвать **синтезирующими**, ибо

³⁷⁰ Материалистическая диалектика. Т. 4. С. 220.

³⁷¹ Например, в цивилизационных обществах при жестком делении на сословия и т. п. группы фактически производство сосредоточивалось лишь в низших сословиях, а высшие занимались управлением, войной, религией и пр. И в этом отношении подобные общества очень отличаются от до- и послесословных. Именно такое сужение производственной сферы являлось основанием для Тойнби и других считать, что культура фундаментальнее производства.

они принадлежат сразу ко многим или всем подсистемам, фактически обеспечивают их постоянную взаимосвязь и делятся между ними в зависимости от того, где и какой продукт труда оседает. Производство этих продуктов и есть то, чего ожидает общество от производительных сил, их первая и главная функция. Образно говоря, продукт труда – это кровь или энергия, которая питает все общество.

Следует внести уточнения относительно предмета и средств труда. В любом акте производства можно выделить эти стороны, причем и в одной и в другой роли могут выступать не только неодушевленные предметы, но и люди, и животные.

При длинных и частично замкнутых технологических цепочках до появления готового продукта труда отдельных производственных актов может быть большое число. При этом средства труда нередко превращаются в предмет труда (например, машина требует ремонта) и наоборот (станок с конвейера становится из предмета средством труда). Я не говорю уже о том, что люди, оказывая друг другу услуги, выполняют попеременно то те, то другие функции.

Такая ситуация, несомненно, затруднит анализ производственной сферы. Поэтому в тех или иных областях есть смысл выделять прежде всего **главные** (один или несколько) предметы и средства труда. Например, характеризуя индустриальное общество, мы прежде всего говорим о машинах как главных средствах труда. Земледелец имеет ряд предметов труда (домашние животные, строения, корма и пр.), но главным будет именно обрабатываемая им почва.

Средства труда нельзя отождествлять лишь с техникой, ибо таковыми, как сказано, могут быть тягловые и ездовые животные, люди, природные процессы, органические и неорганические вещества и пр. Но в промышленных странах техника, без сомнения, наиболее важное звено. Техника – это реакция общества на скудость природы или слабость иных компонентов производства. В современных трактовах техники выделяется

два крайних направления. Одни возводят ее в ранг главной независимой общественной переменной (У. Огборн и др.). Вторые считают ее античеловеческой, антигуманной, а то и вовсе демонической силой³⁷². Вообще же слово «техника» многозначно, и разных определений его множество³⁷³.

В данной работе вряд ли требуется обстоятельно характеризовать такие элементы, как энергетические источники, хранилища, транспорт и коммуникации, средства связи и информации, тем более, что общее представление о них имеет любой читатель.

Однако есть необходимость сказать кое-что о производственном сознании. Будучи коллективным продуктом социума, оно в примитивных обществах прежде всего воплощено в индивидуальном сознании отдельных работников, хотя вполне заметна и надындивидуальная его часть. По мере развития хозяйства производственное сознание разрастается в огромную область, включающую в себя хранение, передачу, обучение, создание и т. д. знаний о производстве, его планировании, технологии, управлении и пр. Занятые здесь люди составляют особые группы специалистов и интеллектуалов. Создание и обработка технологических и научных знаний и составляют основу того, что получило в нашей науке название «духовного производства»³⁷⁴. К нему относится не вся наука, а лишь ряд ее отраслей и направлений, хотя легко можно предположить, что чем дальше, тем большее число наук будет интегрироваться в производство. Роль науки как производительной силы общеизвестна. И сегодня все большее движение научной деятельности к тому, чтобы превратиться в часть ги-

³⁷² Одним из основоположников антитехнического направления был М. Хайдеггер (см.: Хёсле В. *Философия техники М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М., 1991. С. 139).

³⁷³ В книге Дахина А. В. и Щурова В. А. «Апокалипсис технического объекта». Н. Новгород, 1992. С. 47–51 разбираются эти значения, а также приводится до двух десятков различных ее типичных определений.

³⁷⁴ К слову сказать, хотя теория «духовного производства» основывается на идеях Маркса и имеет под собой вполне реальные факты, в теорию исторического материализма, которой придерживаются ее авторы, она в целом вписывается плохо.

гантского общественного производственного механизма, вместе с информационно-вычислительной техникой определяют лицо современных производительных сил. Наука и производственное сознание в целом составляют как бы связку между материальным и духовным в обществе (точнее, одну из таких связок)³⁷⁵. Будучи частью общественного сознания, они в то же время являются и частью базиса, и с этой стороны противопоставляются надстройке, куда относится общественное сознание. Это лишь подтверждает, что в общественной структуре не может быть жесткого деления и что модель «базис – надстройка» совпадает с моделью «общественное бытие – общественное сознание» лишь частично.

Более подробно теперь задержимся на производственной организации как на подсистеме, не описанной в науке. Как мы видели, существует трудность отнесения отдельных элементов к той или иной сфере. Многие принадлежат сразу к двум и более из них. Но такая сложность в то же время позволяет яснее увидеть механизмы и каналы взаимозависимости, взаимодополнения и взаимодействия частей системы, а также лучше объясняет большие расхождения в представлении о строении социума.

В принципе **любой элемент есть связка между какими-то другими**. Так, техника соединяет людей и предмет труда. Однако в общественной системе есть такие интеграционные структуры, в которых эта роль особенно заметна и важна. Они выступают как бы передаточными, буферными механизмами между двумя и более подсистемами, относясь одновременно ко всем из них. Такие элементы и структуры я называю **зонами интеграции**.

К числу подобных зон относится и та, которая соединяет производительные силы с распределительными отношениями (о них в следующем параграфе), а частично и с другими сфе-

³⁷⁵ Недаром Илья Пригожий говорит, что «наука и цивилизация действуют через технологию» (Пригожий И. Наука, цивилизация, демократия // Ежегодник: Философия и социология науки и техники. 1988–1989. М., 1989. С. 9).

рами. Этот вполне реальный (а не выдуманный) объект изучения я назвал **производственной организацией общества**. Введение такой категории делает более понятной связь производства, с одной стороны, распределения и потребления – с другой, а через них и особенности социальной и иной структуры общества. Поэтому, думается, теория данной подсистемы необходима.

Подобно тому как одну и ту же массу солдат можно объединить по-разному, от чего очень сильно меняются боевые качества армии, хозяйство при однотипных производительных силах также может быть организовано по-разному. Военная история зафиксировала немало случаев, когда хорошо обученные и организованные войска побеждали во много раз превосходящего по силам противника. Армия может превратиться в толпу охваченных паникой людей, но способна и долго обороняться, находясь в окружении. Экономическая история также свидетельствует о том, что объем и качество произведенного, уровень жизни и мн. другое часто напрямую связаны с тем, каким образом осуществляется совместное производство. Ведь «сам этот способ совместной деятельности есть «производительная сила»³⁷⁶. Разделение труда в мануфактуре, как известно, повысило производительность ручного труда в несколько раз по сравнению с ремесленными мастерскими.

Особенности производственной организации зависят, естественно, от географической среды и производительных сил, но также очень сильно от специфики политического, социального устройства общества, развитости отношений собственности, управления и права, исторических и религиозных традиций, соседнего окружения и интенсивности контактов (торговли и пр.). Производственные организации могут меняться в одном и том же обществе без переворота в производительных силах путем революции или реформ, чему мы с вами свидетели в России, где переходят от плановой экономики к рыночной.

³⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 153.

Нередко они сосуществуют (как, например, в Китае, где есть свободные экономические зоны и социалистический сектор).

Любое совместное производство фактически всегда отражает сложившийся тип неравенства и конкретный баланс интересов групп, слоев и участников. Какие-то из них всегда оказываются в более привилегированном положении, что выражается в различии ролей в производстве и распределении.

Любое производство всегда есть начало распределения, т. е. фактический или предполагаемый раздел произведенного. Это может быть более или менее явным или скрытым, и во многом зависит от производственной организации и отношений на производственной единице. На государственном предприятии это более спрятано, чем на рабовладельческой латифундии.

Любой процесс труда предполагает его отчуждение от производителя. При работе на себя при натуральном хозяйстве это внутренний обмен (труд на результат). При товарном хозяйстве – внешний обмен. Но при этом часто в пользу иных участников процесса производства-распределения. Например, крестьянин продал урожай, чтобы заплатить налог или долг ростовщику. За отчужденный труд может даваться компенсация (полная или урезанная), в других случаях он присваивается безвозмездно.

В одних случаях труд или продукт сразу отчуждается от производителя. Наиболее яркий пример – работа на конвейере. В других – процесс производства и распределения разомкнут во времени. Так, крестьянин может целый год работать самостоятельно, пока не придет срок платить оброк господину или налог государству. В одних случаях заранее известно, как распределится произведенное, в других это зависит от личных особенностей участников (например, прихотей помещика), от количества и качества труда работников, более или менее успешной работы всей организации и мн. др.

Итак, распределение начинается с производства. И, следовательно, производственная организация, относясь к произво-

дательным силам, непременно есть и часть распределительных отношений. Но будет ли именно производство главным узлом распределения или другой участок этого круговорота благ, зависит от общественного устройства (о чем и пойдет речь в следующем параграфе). Если отношения собственности развиты и играют большую роль, то очень вероятно, что важнейшие моменты распределения будут находиться уже в самом производстве³⁷⁷. А если, например, главный нерв общества – сбор налогов, то основные механизмы распределения лежат вне производства.

Таким образом, в производственной организации условно можно выделить две основные части (на практике неразрывные). Те отношения, которые объединяют участников именно производственного процесса, можно назвать **производственно-организационной частью** производственной организации. А там, где в процессе производства начинается перераспределение труда и благ, лежит **общественно-распределительная часть**. В этом параграфе мы главным образом рассмотрим первую сторону, а в следующем – вторую.

Производственная организация связывает организаторов производства (руководителей распределения) и производителей внутри производственных единиц на основе типичных для данного общества способов и форм, а сами производственные единицы между собой – в общую систему. Следовательно, хотя уровней связи людей и организаций в общую производственную систему много, но особенно важно выделить два базовых. Первый – организация внутри производственных единиц.

³⁷⁷ Как связана производственная организация с собственностью, можно показать на таком примере. В западной экономике, особенно с послевоенного времени, в крупных корпорациях стал очень заметен процесс распыления собственности в акциях и пр. бумагах. В результате собственники очень часто не могут контролировать эффективность управления производством, не говоря уже о сложности вникания в сам процесс управления. Фактически главная роль в планировании и руководстве корпорациями перешла в руки довольно многочисленного управленческого персонала и специалистов, которых Гэлбрейт называл технотструктурой. В отличие от классического капитализма, эти управляющие больше заинтересованы не в максимальной прибыли, а в наибольшей устойчивости их фирм. Отсюда и определенная уступчивость работникам, стремление к экспансии и прочее.

Таковыми единицами могут быть самые разные коллективы: от семьи (а в предельном случае и одного индивида) до громадных корпораций с числом служащих в многие тысячи человек. Внутри единиц есть своя сложная иерархия (часто весьма жесткая и даже жестокая), разделение труда, кооперация и мн. др.³⁷⁸.

Второй уровень: связь между этими единицами в рамках общества. Именно поэтому я и назвал ее производственной организацией **общества**. Разумеется, между ними располагается целый ряд других уровней. А поскольку существуют тесные (и все более интеграционные) отношения и между обществами, есть и надобщественные уровни, связывающие от двух до десятков обществ.

Какими же механизмами объединяются эти единицы? Их много, включая и иные, чем чисто экономические (военные, например строительство военных укреплений, выплата даней и контрибуций; религиозные и престижные: строительство храмов, пирамид, дворцов и т. п.). Это показывает, что производственная организация связывает все подсистемы общества, причем нередко наиболее мощные воздействия производительные силы могли получать от неэкономических сфер. Может случиться, что военный, колониальный грабеж или другое прямое насилие существенно ориентирует все производство. Так возникает монокультурная экономика, например в Вест-Индии или Африке. Так по-особому формируется крестьянское или городское хозяйство в странах, которые постоянно грабят.

Однако грань между экономическими и неэкономическими механизмами для доиндустриальных обществ провести отнюдь не просто. Например, сегодня налоги, помимо фискальных задач, выполняют роль рычагов управления националь-

³⁷⁸ В истории не перечисть типов различных производственных единиц. Для первобытности они базировались во многом на родственных отношениях. Для последующей эпохи наиболее распространенными были крестьянские дворы, часто объединенные в общины, государственные, храмовые, феодальные и др. хозяйства. Капитализм явил мануфактуры и фабрики, ближе к современности появились тресты, концерны и другие монополистические объединения и т. д.

ным хозяйством. Они также очень важная связка между государством, производителями и потребителями, но далеко не единственный экономический механизм связи общества. А вот в государствах древности и средневековья, особенно на Востоке, они являлись, быть может, наиболее мощным объединителем бесчисленных крестьянских хозяйств. Но скорее не экономическим, а внеэкономическим механизмом.

Чем сложнее производительные силы, тем большую роль играют такие способы, как **кооперация и специализация**, ставшие в настоящее время исключительно разветвленными. Так, детали для одного изделия, допустим автомобиля, могут изготавливать на сотнях предприятий в разных странах. Важнейшим способом объединения производственных единиц издавна являлась **торговля**. В индустриальной экономике, базирующейся на частной собственности, как известно, **рынок** является главным объединителем и контролером. Но при социализме эту роль выполняют планирующие и контролирующие органы государства. Нечто подобное наблюдалось и в некоторых государствах прошлого. **Государственное регулирование хозяйственной деятельности** было важным фактором производственной организации во многих странах.

Производственная организация есть целостная система, а потому хотя и крепко связана с производительными силами, однако обладает и собственными особенностями, инерцией и ритмом. И в зависимости от них изменения в ней могут происходить легче или сложнее, быстрее или медленнее, вести к сильным или не очень общественным конфликтам и т. д. Связанная с надстройкой, она может как сдерживаться в развитии последней, так и сама ее сдерживать, останавливая, скажем, политические или правовые изменения.

Именно в этой части наиболее ясно проявляется закон ответственности производительных сил и производственных (распределительных) отношений. И это несоответствие постепенно выражается в общественных идеях, требованиях, программах, конфликтах.

В рамках старой производственной организации могут складываться новые (или хотя бы их отдельные элементы), больше соответствующие развившимся производительным силам.

Различные обстоятельства, казалось бы случайные в данной производственной организации, могут оказаться настолько благоприятными или неблагоприятными для нее, что способны стать катализаторами изменений или, напротив, ее возрождения. Например, когда появилась широкая возможность для польских помещиков вывозить хлеб за границу, это привело к резкому усилению крепостного права, росту барщины и уменьшению крестьянской самостоятельности. Нечто подобное было и в ряде районов России. Хотя формально отношения собственности остались прежними, производственная организация претерпела большие изменения³⁷⁹.

Мы рассмотрели некоторые узловые проблемы, связанные с анализом природно-производственной основы общества и структуры производительных сил. То, как создаются блага, каковы ресурсы и возможности, а равно первичные потребности общества, очерчивает как бы первый круг представлений о нем. Но он еще слишком широк и аморфен. Поэтому совершенно необходимо понять, каким образом, кому и на основании чего достаются эти блага.

³⁷⁹ Еще пример. В конце XVIII в. была изобретена хлопкоочистительная машина Э. Уитни. К этому времени плантационное рабство в США стало приходить в упадок, поскольку очистка хлопка была настолько трудоемким делом, что не позволяла расширять объемы его производства. Так, на очистку одного фунта хлопка уходил целый рабочий день. Новая машина повысила производительность в сотни раз. И рабство воскресло с невиданной силой, рабовладельческие плантации захватывали все новые и новые территории и штаты.

СТРУКТУРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Рис. 4